

МАРК СОЛОНИН

МОЗГОИМЕНЕ

ФАЛЬШИВАЯ ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

Великая Отечественная война. Особое мнение

Марк Солонин

**Мозгоимение. Фальшивая
история Великой войны**

«Яуза»

2010

УДК 355/359
ББК 63.3(2)62

Солонин М. С.

Мозгоимение. Фальшивая история Великой войны /
М. С. Солонин — «Яуза», 2010 — (Великая Отечественная война.
Особое мнение)

ISBN 978-5-6040908-5-5

Самая жесткая и бескомпромиссная книга ведущего военного историка-антисталиниста! При минимуме цифр и технических подробностей, опираясь на здравый смысл, четкую логику и неоспоримые факты, автор высмеивает неуклюжие уловки шарлатанов от истории, пытающихся заморочить людям голову преднамеренным и грубым враньем. На страницах этой книги читатель вновь столкнется с многочисленными советскими и новейшими псевдоисторическими измышлениями. «Генеральное соглашение между НКВД и гестапо», «тайный сталинский сценарий начала войны», «план обороны 41-го года», «сквозная транспортировка частей Красной Армии к Ла-Маншу», «секретные переговоры Сталина с Вольфом в Мценске» и многое-многое другое – вот образчики того феерического бреда, который разоблачает автор. Марк Солонин уверен, что возникший в последние годы жанр «документальных фальшивок», а также широкое и беспрепятственное распространение графоманских сочинений очень опасны и потому должны встречать решительный и твердый отпор со стороны научного сообщества. Такова цель этой книги.

УДК 355/359
ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-6040908-5-5

© Солонин М. С., 2010

© Яуза, 2010

Содержание

От автора	6
Глава 1 «Дегенеративные признаки вырождения»	8
Глава 2 Штирлиц Вольфович	12
Глава 3 Снег в июне, или К вопросу о «еб-ной матери»	21
Глава 4 «Сталин гнал прочь любую мысль о войне...»	34
Глава 5 Глобальный конец	42
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Марк Солонин

Мозгоимение: Фальшивая история Великой войны

Глупость – это бесценный дар Божий, но не следует этим даром злоупотреблять.

Бисмарк

От автора

Когда деревья были большими, а я без труда помещался под столом, в нашей стране было принято работать. Каждое утро трамваи, увешанные гроздьями людей, уползали по мосту на пересечении улицы Красных коммунаров с улицей 22-го Партсъезда (на этот перекресток меня и привезли из роддома) в сторону огромных, дымящих и гудящих заводов. Гудели они нешуточно. Низкий, ровный и бесконечный гул заполнял мир каждый вечер. Лет до пяти я так и думал, что вечер – это когда темнеет и гудит. Потом испытательный стенд авиамоторного завода вынесли далеко за город, и гудеть перестало. Но люди все еще продолжали работать. В моих смутных детских воспоминаниях остался торжествующий голос Левитана, который сообщал о новых космических полетах и гигантских плотинах, перекрывавших могучие сибирские реки.

Даже школьнику средних классов и способностей было понятно, что люди, которые проектировали ракету, рассчитали траекторию полета космического корабля, сделали авиамотор, турбина которого горит, но не сгорает в бушующем иссиня-белом пламени, – это очень умные люди, которые много учились, многому выучились, которые знают такое, о чем другие и не догадываются. И любой квалифицированный токарь понимал, что модельщик (это не тот, кто по подиуму в белых штанах ходит, а мастер – золотые руки, который вырезает из дерева точную копию будущей отливки) умеет и знает то, что ему, токарю, неизвестно. И наоборот.

Вот на этом ОНИ нас и поймали. На естественном для каждого трудящегося человека уважении к знаниям и умениям другого трудящегося человека. На подсознательном (но очень прочном) представлении о «презумпции квалифицированности» каждого инженера, врача, геолога, музыканта, хлебороба... Советский трудящийся не мог предположить и поверить в то, что советский «доктор исторических наук» – это совсем не то, что доктор физических наук, придумавший синхротрон.

В голове нормального человека не укладывалась мысль о том, что за длинной подписью: «доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории», скрывается заживший чиновник, который, во-первых, ничего не знает, а во-вторых, знать ничего не желает про новейшую (равно, как и иную прочую) историю. А не желает он ничего знать потому, что хочет спокойно спать и красиво жить, причем жить не на покрытой копотью заводских труб улице Красных коммунаров, а где-нибудь на Фрунзенской набережной в Москве. Но на Фрунзенскую набережную просто так не пускали. Там нужны были только «социально близкие». Только те, кто своим солидным видом и внушающей трепет подписью скрепят (от слова «крепить») дикий бред, высочайше предписанный к распространению в отделе агитации и пропаганды ЦК КПСС.

ЦК КПСС уже нет. И отдела агитации с пропагандой уже нет. И таблички с названиями на многих улицах поменялись. Царь-император Николай Кровавый объявлен едва ли не «святым великомучеником». Рыцарь революции Феликс Эдмундович объявлен «кровавым пала-

чом». Все смешалось в нашем общем доме. Надо полагать, из-за этой суеты и неразберихи никто не догадался в тот самый день, когда железная статуя Дзержинского проплыла в воздухе над разгоряченной толпой, отменить одним указом все научные степени и звания, полученные на кафедрах истории КПСС, научного коммунизма и прочей «новейшей истории». А зря не догадались. Ох, зря...

И вот уже прежние «кадры» без тени смущения именуют себя «доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Международной академии маркетинга, франчайзинга и баблопилинга». Они все также читают студентам лекции по засиженным мухами конспектам тридцатилетней давности. И сурово машут при этом крючковатым перстом, требуя «прекратить переписывать историю». Один такой «кадр» на полном серьезе объяснял мне, что Виктор Суворов (с коим я имел удовольствие многократно общаться и в прямом радиоэфире, и в частных беседах) не существует вовсе, а за этим псевдонимом скрывается группа матерых антисоветчиков, штатных сотрудников ЦРУ и МИ-6, что было неопровержимо установлено «о-о-очень серьезным учреждением» (глаза и палец поднимаются вверх: *«Ну, Вы, молодой человек, и сами должны понимать – что я имею в виду...»*).

Тем не менее – Земля вертится, и процесс, однажды запущенный, уже не остановить. Безнаказанно парить людям мозги в эпоху Интернета, спутникового телевидения и зависимо-го лишь от кошелька покупателей книгоиздания становится все труднее. За студентов я спокоен: большинство из них на лекции не ходит, исправно покупая (за родительские деньги, естественно) контрольные, курсовые и дипломные работы. Социально близкие всякому бездельнику профессора обычно снисходительно относятся к таким шалостям молодежи. Те же немногие, которым диплом нужен лишь в качестве приложения к знаниям, имеют возможность читать серьезные исследования добросовестных историков. Страшно сказать, но за это уже не выгоняют из института, не загоняют в «спецпсихбольницу МВД», не «шьют дела» по статьям 70 и 190.1 УК РСФСР, не подбрасывают наркотики...

Но что же делать тем, кто из студенческого возраста и юной праздности уже вышел, кто должен «крутиться» с утра до вечера, у кого время для чтения появляется лишь в вагоне метро или в купе поезда? Язык не поворачивается посоветовать им достать из кошелька деньги и купить одну из моих толстенных военно-исторических книг. Ну какой работающий человек может осилить эти 500–600 страниц мелким шрифтом, с таблицами, графиками и картами былых сражений?! Из этих грустных мыслей и родилась идея написать простую и веселую книгу, которая поможет читателю познакомиться и со смехом расстаться с наиболее яркими образцами отечественного исторического «мозгоимения». А попутно и узнать что-то новое о нашей непредсказуемой истории. Однако, даже читая эту книгу с любого места по диагонали в вагоне метро, не теряйте из виду, уважаемый читатель, одну очень важную, принципиально важную деталь: на осмеяние и публичный позор яставляю не героев войны, не ветеранов, вернувшихся с фронта на костылях, не вашего дедушку и не своего отца, а лишь тех дармоедов и проходимцев, которые на протяжении долгих десятилетий превращали распространение заведомо ложных измышлений об обстоятельствах и причинах нашей величайшей трагедии в доходный личный промысел.

Глава 1 «Дегенеративные признаки вырождения»

За многие годы в памяти моего компьютера накопилось великое множество самых разных примеров «мозгоимения». Каждый по-своему хорош и пригож, каждый заслуживает публичного поношения. С чего начать? По правилам дидактики следует двигаться «от простого к сложному». Вот и отлично. Не будем выдумывать новые правила и в первой главе представим такие ядреные глупости, которые, даже не будучи чем-то особо значимыми по сути, примечательны тем, что показывают нам самое дно «колодца невежества», из которого следует выбираться как можно скорее.

Почетное право открыть галерею я предоставляю одному забавному высказыванию, которое восхитило меня своей предельной, алмазной прозрачностью и простотой, сравнимой разве что с химической формулой алмаза. К тому же это один из самых свежих известных мне примеров.

В 2007 году издательство «Яуза-ЭКМО» решило собрать под одной обложкой историков самых разных, можно сказать – диаметрально противоположных взглядов, перед которыми был поставлен один и тот же вопрос: в чем главная причина поражения Красной Армии летом 1941 года? Так появился сборник статей «Великая Отечественная катастрофа». Известный историк, начальник отдела статистики Института военной истории при МО РФ, полковник, кандидат исторических наук М.Э. Морозов (если на сей момент Мирослав Эдуардович стал уже доктором наук, то я прошу прощения и приношу ему свои поздравления) написал для этого сборника статью «Поражение летом 1941 года было закономерным». Название, на мой вкус, немного тяжеловесно, зато главная мысль выражена по-солдатски четко и ясно.

К слову говоря, я тоже считаю, что летом 41-го поражение было закономерным и неизбежным. Правда, на этой констатации совпадение наших взглядов и заканчивается. Полковник Морозов на 93 страницах развивает традиционную для всей советской историографии мысль о том, что «история отпустила нам мало времени» и Советский Союз оказался не готов к войне в материально-техническом отношении. Я же считаю, что пресловутая «история» отпустила Сталину недопустимо много времени, и 20-летнее рабство народа, свирепое разрушение всех норм морали и нравственности привели народ и армию в совершенно небоеспособное состояние.

Вернемся, однако, к статье М.Э. Морозова. Поскольку статья эта была посвящена военной авиации, то в ней, конечно же, говорилось про безнадежно устаревшие советские самолеты, не идущие ни в какое сравнение с самолетами противника. Так, на странице 299 сказано дословно следующее:

«...горизонтальная скорость «Юнкерса» Ju-88 была в полтора раза выше скорости Ar-2».

Да, разумеется, не скоростью единой ценен фронтовой бомбардировщик, и все же – отставание в скорости в ПОЛТОРА РАЗА... Это серьезно. При такой технической отсталости поражение и вправду начинает казаться закономерным и неизбежным. Тем не менее хотелось бы узнать и конкретные цифры скоростей. Не беспокойтесь, уважаемый читатель! Я вовсе не собираюсь размахивать бумажками с отчетами о летных испытаниях и «грузить» вас полемикой по поводу достоверности этих отчетов. Боже упаси! Я же обещал – все будет предельно прозрачно и просто. На странице 249 полковник Морозов сообщает, что максимальная скорость бомбардировщика Ar-2 (этот самолет представлял собой глубокую модификацию самого массового предвоенного бомбардировщика СБ) составляла **480 км/час**. Скорость СБ образца 1939 г. Морозов определяет там же в 450 км/час.

А на странице 298 можно узнать, что максимальная скорость бомбардировщика «Юнкере» Ju-88 составляла **450 км/час**.

Так у нас пишется «история». Если нельзя, но очень хочется, то можно. Если очень хочется втереть публике тезис о «технической отсталости» советских ВВС, то **число 450 окажется в полтора раза больше числа 480**. Но и это еще не все. Нужно важное уточнение: скорости указаны в таблицах, которые не всякий читатель станет еще изучать, а вот конечный вывод о подавляющем превосходстве «Юнкерса» дан прямым текстом!

Что это было? Досадная оплошность – или работа подлинного мастера «мозгоимения»? Не могу знать. С этим вопросом – к полковнику.

Вторым в ряду у нас стоит знаменитое, успевшее уже набить оскомину специалистам, но все еще ошеломляющее доверчивую публику *«Генеральное Соглашение о сотрудничестве, взаимопомощи, совместной деятельности между Главным управлением государственной безопасности НКВД СССР и Главным управлением безопасности Национал-социалистической рабочей партии Германии (гестапо)»*. Я очень люблю этот текст. Пользуюсь им в тех самых случаях, о которых А.С. Пушкин писал: *«Как мысли черные к тебе придут, откупори шампанского бутылку иль перечти «Женитьбу Фигаро»*.

Жизнь нынче непростая, «мысли черные» приходят в голову частенько, и никакая печень не выдержит такой алкогольной нагрузки. Что же касается бессмертной комедии Бомарше, то она просто «отдыхает» рядом с такими перлами: *«Стороны поведут борьбу с дегенерацией человечества во имя оздоровления белой расы и создания евгенических механизмов расовой гигиены. Виды и формы дегенерации, подлежащие стерилизации и уничтожению, стороны определили дополнительным протоколом № 1, являющимся неотъемлемой частью настоящего соглашения...»*. В дополнительном протоколе № 1 указаны «*виды квалификации дегенеративных признаков вырождения*», против которых решили совместно бороться НКВД и гестапо, а именно: *«рыжие, косые, хромоногие и косорукие от рождения, имеющие дефекты речи – шепелявость, картавость, заикание (врожденное), ведьмы и колдуны, шаманы и ясно-видящие, горбатые, карлики, лица, имеющие большие родимые пятна и множественное кол-во маленьких, разного цвета кожное покрытие, разноцветие глаз и т. п.»*.

Заканчивается сия беспримерная в своей тупой убогости фальшивка так: *«Текст соглашения отпечатан на русском и немецком языках в единственном экземпляре, каждый из которых имеет одинаковую силу...»*. Подписали таинственное Соглашение *«Начальник Главного управления государственной безопасности НКВД СССР комиссар госбезопасности 1-го ранга Л. Берия и Начальник Четвертого управления (гестапо) Главного управления безопасности национал-социалистической рабочей партии Германии бригаденфюрер СС Г. Мюллер»*.

Указана даже точная минута, в которую произошло историческое событие: *«Совершено в Москве, 11 ноября 1938 г. в 15 часов 40 минут»*.

Этот горячечный бред усиленно пиарил в СМИ товарищ В. Карпов, бывший руководитель Союза писателей СССР, бывший депутат Верховного Совета и бывший член ЦК КПСС. Благодаря такой подписи грубо сработанная фальшивка, не заслуживающая даже малейшего упоминания, стала объектом широкого обсуждения, постоянного цитирования и т. п. Однако авторство текста принадлежит вовсе не Карпову. В 1999 году он был опубликован неким Г.С. Назаровым, деятелем, широко известным в узких кругах идейных борцов с засильем еврокаменщиков (они же «жидомасоны»). Опубликован «документ» был в журнале с замечательным для публикаций такого рода названием «Чудеса и приключения» (1999, № 10.)

Впрочем, я не исключаю, что и Назаров всего лишь переписал текст, придуманный кем-то другим. По крайней мере, мне попадалось это «Генеральное Соглашение» со ссылкой на какую-то «Память» № 1/1999. В любом случае, только в измученных нарзаном организациях борцов с «*рыжими, шепелявыми и картавыми*» могла родиться фальшивка с таким набором грубейших ошибок:

– 11 ноября 1938 г. Г. Мюллер никак не мог оказаться в Москве. Он был в Берлине, и у него в тот день было очень много дел. В ночь с 9 на 10 ноября 1938 г. по личному указанию Гитлера был проведен всегерманский еврейский погром, вошедший в историю под названием «Хрустальная ночь». Было разрушено и сожжено 267 синагог, 815 магазинов и предприятий, 20 тыс. евреев были арестованы и брошены в концлагеря. Стихийный взрыв «народного гнева» такого масштаба надо было организовать, направлять и контролировать, 20 тыс. человек надо было этапировать в лагеря. Вся эта огромная работа легла на плечи руководителей карательных органов Германии, включая Мюллера, личное участие которого в событиях «Хрустальной ночи» подтверждается множеством свидетельств;

– и Главное управление имперской безопасности (РСХА), и входившее в его состав гестапо были государственными («имперскими» по принятой в нацистской Германии терминологии), а вовсе не партийными учреждениями. Никакого *«Главного управления безопасности национал-социалистической рабочей партии Германии»* в ноябре 1938 г. не было. НСДАП к тому времени стала монопольно-правящей партией, и на базе ее военизированных структур были созданы карательные органы фашистского государства. Для того чтобы об этом узнать, вовсе не обязательно сидеть месяцами в пыли библиотек. Аббревиатура РСХА (RSHA), известная каждому, кто смотрел «кино про Штирлица», как раз и образована от слова «Reichs», т. е. «имперский». Слово «гестапо» также является аббревиатурой, в которой буквы «ста» обозначают слово «статс», т. е. «государственный». Полное название этой преступной организации: *Geheime Staatspolizei*, т. е. «тайная государственная полиция»;

– все звания и должности «подписантов» хаотично перепутаны. На момент составления мифического «Соглашения» Мюллер в звании «штандартенфюрер СС» возглавлял 2-й отдел Главного управления полиции безопасности и СД. Главное управление имперской безопасности было создано 27 сентября 1939 года, т. е. почти через год после вымышленного «визита» Мюллера в Москву. Еще через год, 14 декабря 1940 г. Мюллеру было присвоено звание «бригадефюрер СС», что пишется именно так, а не «бригадеНфюрер». В преамбуле «Генерального Соглашения» сказано, что Мюллер действует на основании доверенности, выданной ему *«Рейхсфюрером СС Рейнхардом Гейдрихом»*. Персональное звание «рейхсфюрер СС» имел один-единственный человек – Г. Гиммлер. Что касается Р. Гейдриха, то он действительно был непосредственным начальником Мюллера, однако в более «скромном», генеральском звании «группен-фюрер СС» (позднее, в 1941 году – «обергруппенфюрер СС»);

– наконец, такие глупости, как *«единственный экземпляр, каждый из которых хранится»* и использование конторского термина *«отпечатан»* вместо «составлен», не заслуживают уже подробного обсуждения.

При всем при том сотрудничество НКВД с карательными органами фашистской Германии является неоспоримым фактом. Вот только предметом этого сотрудничества была не борьба с «рыжими, косыми и разноцветноглазыми», а гораздо более значимые для Гитлера и Сталина задачи.

После того как в сентябре 1939 г. вермахт и Красная Армия оккупировали Польшу, перед двумя диктаторскими режимами встала задача борьбы с польским движением Сопротивления. Эта борьба требовала взаимодействия карательных структур. Юридическим основанием для такого взаимодействия послужил Секретный дополнительный протокол к Договору о дружбе и границе, подписанному в Москве 28 сентября 1939 г. Вот полный текст этого Протокола:

«г. Москва

28 сентября 1939 г.

Нижеподписавшиеся уполномоченные при заключении советско-германского договора о границе и дружбе констатировали свое согласие в следующем:

Обе стороны не допустят на своих территориях никакой польской агитации, которая действует на территорию другой страны. Они ликвидируют зародыши подобной агитации

на своих территориях и будут информировать друг друга о целесообразных для этого мероприятиях.

По уполномочию

За Германское

Правительство И. Риббентроп

За Правительство СССР В. Молотов».

Текст Протокола хранится в Архиве внешней политики РФ (АВП РФ, ф. 06, оп. 1, п. 8, д. 77, л. 4). Опубликовано, в частности, в двухтомном сборнике документов «1941 год. Документы» (Кн. 2, стр. 587).

В рамках провозглашенной «дружбы» происходила и «репатриация германских подданных, находящихся на территории СССР». Причем за этой странной формулой скрывались два диаметрально противоположных процесса. С одной стороны, из тюрем и лагерей освобождались немцы, арестованные в годы Большого Террора 1937–1938 гг. по обвинениям в шпионаже. С другой стороны, Гитлеру выдавали германских и австрийских антифашистов, нашедших в 1933–1939 гг. убежище в «стране победившего пролетариата». Одним словом, у НКВД и гестапо было много общих дел и забот, но вопросы эти решались в рабочем порядке, без написания развесистых «Генеральных Соглашений».

Глава 2 Штирлиц Вольфович

Если идея борьбы «с рыжими и картавыми» пока еще находится в самом дальнем, заросшем плесенью и паутиной углу подсознательных страхов и людских предрассудков, то история Великой Отечественной войны по-прежнему остается (и долго еще будет оставаться) одной из самых «горячих», самых болезненных точек общественного сознания. По-другому и быть не может в стране, принесшей на алтарь этого беспримерного жертвоприношения миллионы человеческих жизней. Соответственно, всякий мистификатор (или просто впавший в маразм графоман), сочинивший очередной «сенсационный документ», гарантированно получает свою порцию геростратовской славы. Не удержался от желания получить порцию и упомянутый выше товарищ В. Карпов, раскрывший нам тайну «секретных сепаратных переговоров» Сталина с немецким командованием, якобы происходивших в феврале 1942 г. в оккупированном вермахтом городе Мценске.

С одновременно смешной и грустной в подобной ситуации горделивостью В. Карпов рассказывал журналистам (интервью в «Комсомольской правде» от 17 октября 2002 г.), что у него есть *«так называемый допуск номер один, дающий право работать с совершенно секретными документами»*. Далее сообщения Карпова о практическом использовании «допуска номер один» разнятся. В одних интервью он говорит, что обнаружил документы о «переговорах в Мценске» в бывшем личном кабинете Сталина (типа завалились под столом), в других кабинет Сталина также присутствует, но в этом кабинете якобы размещается «особо секретный архив», доступ в который открыт лишь обладателям сокровенного «допуска номер один». Обозревателю газеты «Московский комсомолец» М. Дейчу на вопрос о месте нахождения документов В. Карпов ответил совсем уже просто: *«Вот еще! Вам, может быть, и ключи от квартиры на блюдечке с голубой каемочкой?»*

Может ли все это быть правдой? Нет, не может. Вероятность обнаружения совершенно секретных документов при подобных обстоятельствах равна нулю. Не одной стомиллионной, а исключительно и только нулю. Рассказываю – почему.

С момента смерти Сталина прошло уже более 50 лет. Но и пяти дней должно было хватить для того, чтобы ни одного бесхозно валяющегося на полу документа в кабинете (даче, квартире, машине) Сталина не осталось. В настоящее время секретные документы, к которым прикасалась рука Хозяина, могут находиться в двух и только в двух возможных состояниях: они или уничтожены, или оприходованы, пронумерованы и взяты на учет в соответствующих архивах. Найти под столом документ о сепаратных переговорах с немцами в принципе невозможно. Теоретически такой документ может обнаружиться в архиве, но тогда публикатор документа обязан произнести четыре волшебных слова: «фонд, опись, дело, лист». Без этих слов исторический документ не существует. Может быть только фальшивка – более или менее грубо сработанная.

Но и это еще не все. Обладатель «допуска номер один» (а также «два» и «три») должен понимать, что *«правоработать с совершенно секретными документами»* абсолютно не предполагает права ПУБЛИКОВАТЬ секретные документы. Это азбука, которую знает каждый, кто действительно работал с секретными документами. Эта «азбука» состоит из особой закрытой комнаты, секретной тетради с прошитыми и пронумерованными страницами, охраняемого сейфа, в который каждый вечер укладывается эта тетрадь, фельдсвязи, которая только и имеет право переместить ставшую секретной тетрадь из пункта А в пункт Б и так далее. Если документ еще не рассекречен, то любая копия этого документа, любая выписка из него, даже простое упоминание о его существовании открытой публикации не подлежит. Нарушение этого порядка есть уголовное преступление. Всякий обладатель «допуска» расписался в том, что он предупрежден об ответственности за разглашение.

Если же документ уже рассекречен, то он может быть опубликован, но лишь с обязательным указанием фонда, описи, дела и листа. Это придумано людьми для того, чтобы любой желающий – а по закону (не скажу, что «по жизни») любой гражданин РФ имеет право ознакомиться с любым рассекреченным документом – мог прийти в архив, назвать интересующие его «фонд, опись, дело, лист» и проверить: правильно ли публикатор переписал документ, не забыл ли чего, не добавил ли от себя «дегенеративные признаки вырождения».

Покончив с этим «кликбезом», перейдем к выяснению единственного остающегося вопроса: насколько качественно сделана фальшивка, описывающая пресловутые «переговоры в Мценске»? Вот эти два «документа», сочиненные В. Карповым или теми, кто решил зло подшутить над стариком (на момент публикации В. Карпову было уже далеко за 80 лет):

«Предложения немецкому командованию.

1. С 5 мая 1942 г., начиная с 6 часов, по всей линии фронта прекратить военные действия. Объявить перемирие до 1 августа 1942 г. до 18 часов.

2. Начиная с 1 августа 1942 г. и до 22 декабря 1942 г. германские войска должны отойти на рубежи, обозначенные на схеме № 1. Предлагается установить границу между Германией и СССР по протяженности, обозначенной на схеме № 1.

3. После передислокации армий вооруженные силы СССР к концу 1943 г. готовы будут начать военные действия с германскими вооруженными силами против Англии и США.

4. СССР готов будет рассмотреть условия об объявлении мира между нашими странами и обвинить в разжигании войны международное еврейство в лице Англии и США, в течение последующих 1943–1944 годов вести совместные боевые наступательные действия в целях переустройства мирового пространства (схема № 2).

Примечание: *В случае отказа выполнить вышеизложенные требования в п.п. 1 и 2, германские войска будут разгромлены, а германское государство прекратит свое существование на политической карте как таковое.*

Предупредить германское командование об ответственности.

Верховный Главнокомандующий Союза ССР И. СТАЛИН

Москва; Кремль 19 февраля 1942 г.

№ 1/242827 февраля 1942 г.

Товарищу СТАЛИНУ

РАПОРТ

В ходе переговоров в Мценске 20–27 февраля 1942 г. с представителем германского командования и начальником персонального штаба рейхсфюрера СС группенфюрером СС Вольфом, германское командование не сочло возможным удовлетворить наши требования.

Нашей стороне было предложено оставить границы до конца 1942 г. по линии фронта как есть, прекратив боевые действия.

Правительство СССР должно незамедлительно покончить с еврейством. Для этого полагалось бы первоначально отселить всех евреев в район дальнего севера, изолировать, а затем полностью уничтожить. При этом власти будут осуществлять охрану внешнего периметра и жесткий комендантский режим на территории группы лагерей. Вопросами уничтожения (умерщвления) и утилизации трупов еврейского населения будут заниматься сами евреи.

Германское командование не исключает, что мы можем создать единый фронт против Англии и США. После консультаций с Берлином Вольф заявил, что при переустройстве мира, если руководство СССР примет требования германской стороны, возможно, Германия потеснит свои границы на востоке в пользу СССР.

Германское командование в знак таких перемен готово будет поменять цвет свастики на государственном знамени с черного на красный.

При обсуждении позиций по схеме № 2 возникли следующие расхождения:

- 1. Латинская Америка. Должна принадлежать Германии.*
- 2. Сложное отношение к пониманию «китайской цивилизации». По мнению германского командования, Китай должен стать оккупированной территорией и протекторатом Японской империи.*
- 3. Арабский мир должен быть германским протекторатом на севере Африки.*

Таким образом, в результате переговоров следует отметить полное расхождение взглядов и позиций. Представитель германского командования Вольф категорически отрицает возможность разгрома германских вооруженных сил и поражения в войне. По его мнению, война с Россией затянется еще на несколько лет и окончится полной победой Германии. Основной расчет делается на то, что, по их мнению, Россия, утратив силы и ресурсы в войне, вынуждена будет вернуться к переговорам о перемирии, но на более жестких условиях, спустя 2–3 года.

*Первый заместитель народного комиссара Внутренних дел СССР
(МЕРКУЛОВ)*

Ну что тут сказать? Это даже не фальшивка. Это скорее розыгрыш, глупая шутка, стеб. Авторы текста (еще раз повторю предположение о том, что кто-то злой и неумный подсунул эту писульку Карпову, желая посмеяться над заслуженным, но, увы, уже слишком старым человеком) даже не стараются придать своему сочинению умеренно правдоподобный вид.

«Германское командование в знак таких перемен готово будет поменять цвет свастики на государственном знамени с черного на красный». На третьем году истребительной мировой войны цвет геральдических знаков – это последнее, что могло волновать Сталина и «германское командование». Но в данном конкретном случае предложение и вовсе абсурдное, так как цвет «государственного знамени» (по-русски это называется «государственный флаг») гитлеровской Германии был красным. Красная свастика на красном флаге – это уже откровенный стеб.

Группенфюрер СС Вольф появился в этой истории по той же самой причине, по какой «Генеральное Соглашение» между НКВД и гестапо «подписал» бригаденфюрер Мюллер. Авторы фальшивки откровенно издеваются над читателем, знания которого ограничены многократным просмотром легендарного «кино про Штирлица». Если бы авторы фальшивки старались быть убедительными, то они могли бы «назначить» в переговорщики не доживших до капитуляции Германии Гейдриха, Рейхенау, Бока, Моделя, Клюге, повешенных Йодля, Канариса или Кейтеля. Из героев фильма «Семнадцать мгновений весны» вполне сгодились бы отравившийся Гиммлер или казненный в 1946 году по приговору военного суда Кальтенбруннер.

Но вот Карл Вольф на роль участника сверхсекретных переговоров с советским руководством не годится совершенно. По самой простой и очевидной причине – он слишком долго жил и умер через 39 лет после окончания войны. К. Вольф написал мемуары, с ним беседовали десятки историков и журналистов. И если бы в его бурной биографии было хоть что-то, напоминающее переговоры с представителем Сталина, то об этом бы знал не только обладатель «допуска номер один», но и любой американский школьник. В годы «холодной войны» история о том, как Сталин за спиной союзников вел сепаратные переговоры с фашистами, причем в те самые дни, когда американские и английские моряки, доставлявшие военные грузы в Мурманск, гибли в ледяных водах северной Атлантики, стала бы «пропагандистской бомбой» номер один. Но ни о каких «переговорах в Мценске» Вольф никогда никому не говорил.

А чего стоит подпись *«Верховный главнокомандующий Союза ССР»!* У Союза ССР не было «главнокомандующего». И среди множества должностей Сталина такой – не было. Сталин был Верховным главнокомандующим Красной Армии. А также Председателем ГКО,

Председателем Совнаркома, Наркомом обороны, Председателем Ставки ВГК, Генеральным секретарем (иногда в документах он писал просто «секретарь») ЦК ВКП(б). Верховный главнокомандующий Красной Армии писал грамотно и четко. Он не мог слепить такие корявые фразы, как *«установить границу по протяженности»* или *«боевые наступательные действия в целях устройства мирового пространства»*.

Это – форма. Содержание еще более маразматично. В Германии был тоталитарный режим. Главой этого режима был Гитлер. Командование вермахта исполняло его единоличные приказы. Вопросы мирового переустройства, дележа Латинской Америки, «китайской цивилизации» и «арабского мира на севере Африки» можно было обсуждать или с Гитлером, или с генералами, принявшими решение свергнуть Гитлера. Третьего тут просто не дано. В гитлеровской Германии не было места для легальной, играющей по конституционным правилам оппозиции.

Для переговоров с Гитлером (или с его доверенными лицами) надо было ехать не в разрушенный прифронтовой Мценск, а в любую из столиц государств, которые под держивали дипломатические отношения и с Германией, и с СССР (София, Стамбул, Стокгольм и пр.). Именно так все дела и делались. В спокойной, комфортной обстановке. В ресторане с хорошей кухней. В прифронтовом городе можно было вести только переговоры с генералами-заговорщиками. Но борьба с «международным еврейством» (на этом пунктике явно свихнулся или составитель фальшивки, или сам Карпов) никогда не была вопросом номер один для командования вермахта. Более того – большая часть этого командования отчетливо понимала опасность и губительность для Германии патологического антисемитизма Гитлера. Впрочем, и сам Гитлер в ходе вполне реальных переговоров с Молотовым в ноябре 1940 г. ни разу не поднял эту тему, и уж тем более – не обсуждал вопрос «утилизации трупов еврейского населения» вместе с проблемами глобального передела мира.

Столь же бредовым является и конкретное содержание «предложений». Хронология получается такая: с 5 мая до 1 августа 1942 года (причем ровно до 18 часов!) длится «перемирие». Прекрасно. А что будет после «18 часов»? *«Начиная с 1 августа 1942 года и по 22 декабря 1942 года германские войска должны отойти на рубеж»*. Продолжается ли при этом «перемирие»? Если да, то почему его срок указан только «до 18 часов 1 августа»? Зачем для «отхода на рубеж» нужно 5 месяцев? В конце сентября 1939 г. происходил развод советских и германских войск на территории разгромленной Польши. Был составлен совместный документ с указанием реальных сроков и рубежей. Темп отвода – 20 км в день. Двадцать. При таком, нормальном, темпе марша за 5 месяцев немцы должны были дойти до Атлантики и утопиться в ней...

Полный апофигей наступает, однако, в «Примечании»:

«В случае отказа выполнить вышеизложенные требования в п.п. 1 и 2 германские войска будут разгромлены, а германское государство прекратит свое существование на политической карте как таковое. Предупредить германское командование об ответственности».

Абсолютно неряшливый слог («существование на политической карте как таковое»). Совершенно абсурдная логика. Если считаешь себя в силах разгромить и уничтожить – разгрома; рвать на груди тельняшку и орать «держите меня семеро» в серьезных переговорах на высоком уровне как-то не принято.

Такой вызывающий тон (да еще и с «предупреждением об ответственности») абсолютно нехарактерен для реальных документов той эпохи. Вот, например, в каких выражениях Германия объявила утром 22 июня 1941 г. войну СССР: *«Ввиду нетерпимой далее угрозы, создавшейся для германской восточной границы вследствие массированной концентрации и подготовки всех вооруженных сил Красной Армии, Германское правительство считает себя вынужденным немедленно принять военные контрмеры»*. И точка. Это последняя фраза заяв-

ления Германского правительства. Никакое «*существование на политической карте*» никогда не обсуждалось.

Стоило ли тратить столько букв на опровержение явной фальшивки? Конечно, нет – если бы эта бредятина с удручающим постоянством не всплывала то в одном, то в другом месте. Совсем недавно на глазах у миллионов телезрителей Первого канала один известный московский театральный режиссер, размахивая какой-то газетенкой, буквально с пеной на губах спешил сообщить публике об этой «исторической сенсации». Бог с ним, с режиссером, – людям такой специальности, видимо, нельзя жить без небольшой «сумасшедшинки». Но почему ведущий телепередачи, многоопытный и эрудированный В. Познер не вызвал санитаров при первом же упоминании о «переговорах в Мценске»?

21—22 июня 2007 г. «Комсомольская правда» с подзаголовком «*Опубликованные в книге В. Карпова «Генералиссимус» копии документов стали самой громкой сенсацией в историографии Великой Отечественной войны*» поместила очередную статью о «переговорах в Мценске». Правды ради надо отметить, что содержание статьи полностью противоречило подзаголовку, и «самая громкая сенсация» была на этот раз признана заурядной фальшивкой. Однако вопрос, вынесенный в название статьи – «Предлагал ли Сталин союз Гитлеру?» – так и остался без ответа. По умолчанию читатель должен предположить, что если «документы» Карпова оказались графоманским бредом, то и никакого союза Сталина с Гитлером не было. Строго говоря, перед нами еще один образец «мозгоимения», только в этом случае гораздо более качественного.

Вопрос о том, предлагал ли Сталин союз Гитлеру, относится к числу риторических. То есть таких вопросов, ответ на который давно и точно известен. В поисках ответа нет никакой нужды лезть под стол в кабинете Сталина, размахивая при этом «допуском номер один». Все гораздо проще. 30 сентября 1939 г. все центральные газеты СССР опубликовали следующий текст заявления министра иностранных дел Германии Риббентропа:

«Мое пребывание в Москве опять было кратким, к сожалению, слишком кратким. В следующий раз я надеюсь пробыть здесь больше. Тем не менее мы хорошо использовали эти два дня. Было выяснено следующее:

- 1. Германо-советская дружба теперь установлена окончательно.*
- 2. Обе стороны никогда не допустят вмешательство третьих держав в восточно-европейские вопросы.*
- 3. Оба государства желают, чтобы мир был восстановлен и чтобы Англия и Франция прекратили абсолютно бессмысленную и бесперспективную борьбу против Германии.*
- 4. Если, однако, в этих странах возьмут верх поджигатели войны, то Германия и СССР будут знать, как ответить на это».*

Для тех, кто родился, вырос и состарился в Новой Зеландии, спешу пояснить, что даже сообщение о новых надоях в колхозе «Красный серп» проходило многоступенчатую строжайшую цензуру прежде, чем появиться на первой полосе газеты «Правда». Текст заявления Риббентропа, в котором от имени «Германии и СССР» прозвучали прямые угрозы в адрес «англо-французских поджигателей войны», был, разумеется, предварительно согласован с советской стороной. Более того – товарищ Сталин был тем единственным человеком, который мог дать разрешение на такую публикацию.

Можно ли считать зловещие намеки Риббентропа документом о союзе Сталина и Гитлера? Конечно, нет. На первой полосе «Правды» появилась лишь самая верхушечка айсберга. Конкретное обсуждение условий создания агрессивного союза четырех тоталитарных государств началось 12–13 ноября 1940 г., в ходе официального визита Молотова в Берлин и его переговоров с Гитлером. После возвращения Молотова в Москву, 25 ноября 1940 г. советский вариант условий создания «оси Рим – Берлин – Москва – Токио» был лично вручен Молотовым

послу Германии графу Шуленбургу. Ответом Гитлера было молчание, которое закончилось на рассвете 22 июня 1941 г. Но документ-то остался! И факт наличия этого документа не давал кремлевским правителям спать спокойно, после того как сталинская империя по удивительному и нелепому стечению обстоятельств оказалась участницей «антигитлеровской коалиции демократических стран». Я не шучу, именно так это тогда и называлось.

Сразу после войны по указанию Сталина был создан специальный орган, в разных документах именовавшийся по-разному: «правительственная комиссия по Нюрнбергскому процессу», «комиссия по руководству Нюрнбергским процессом». В состав комиссии были включены такие испытанные «работники правосудия», как заместители Берия товарищи Абакумов, Кобулов и Меркулов. Руководить комиссией было доверено главному сталинскому «правоведу» Вышинскому, навечно прославившему свое имя чеканной формулой: «признание обвиняемого – царица доказательств». Главная цель комиссии состояла в том, чтобы ни при каких обстоятельствах не допустить в Нюрнберге публичного обсуждения фактов советско-германского сотрудничества 1939–1941 годов. Несмываемым позором на совести руководителей демократических государств остается официально согласованный со Сталиным перечень вопросов, которые являются *«недопустимыми для обсуждения на суде»*. Что же это за «суд», который заранее отказывается от своей обязанности найти и исследовать ВСЕ относящиеся к делу факты и документы?

Впрочем, противоестественный союз демократии (пусть и весьма несовершенной) с тиранией (равной которой не было в истории человечества) не мог быть долгим. В 1948 г. пакет документов, обнаруженных в захваченных западными союзниками архивах германского МИДа, был опубликован в ставшем воистину *«самой громкой сенсацией в историографии войны»* сборнике «Nazi-Soviet Relations» (что можно перевести как «взаимоотношения нацистской Германии и СССР»).

Более сорока лет советские историки гневно обличали эту «наглую выходку буржуазных фальсификаторов». Были исписаны горы книг и защищены сотни диссертаций. Затем, после получения команды «отбой», вторые экземпляры документов обнаружили в советских (ныне – российских) архивах. Так, в Архиве Президента России (АП РФ ф. 3, оп. 64, д. 675, л. 108) сохранился машинописный текст советских условий создания «союза четырех держав», да еще и с собственноручной пометой Молотова: *«Передано г. Шуленбургу мною 25 ноября 1940 г.»*. И подпись: В. Молотов.

Вот этот текст подлинного документа (цитируется по сборнику «1941 год. Документы», Книга 1, стр. 417). Конечно, он не такой красивый, как «Генеральное Соглашение о борьбе с рыжими», но, если внимательно вдуматься в его содержание и возможные последствия-гораздо более страшный:

«СССР согласен принять в основном проект пакта четырех держав об их политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи, изложенный г. Риббентропом в его беседе с В.М. Молотовым в Берлине 13 ноября 1940 года и состоящий из 4 пунктов, при следующих условиях:

1. Если германские войска будут теперь же выведены из Финляндии (на самом деле выводить было нечего, т. к. первые части вермахта были развернуты на территории Финляндии лишь в июне 1941 г. – М. С.), представляющей сферу влияния СССР согласно советско-германского соглашения 1939 года, причем СССР обязывается обеспечить мирные отношения с Финляндией, а также экономические интересы Германии в Финляндии (вывоз леса, никеля).

2. Если в ближайшие месяцы будет обеспечена безопасность СССР в Проливах путем заключения пакта взаимопомощи между СССР и Болгарией, находящейся по своему географическому положению в сфере безопасности черноморских границ СССР, и организации военной и военно-морской базы СССР в районе Босфора и Дарданелл на началах долгосрочной аренды.

3. Если центром тяжести аспирации СССР будет признан район к югу от Батума и Баку в общем направлении к Персидскому заливу.

4. Если Япония откажется от своих концессионных прав по углю и нефти на Северном Сахалине на условиях справедливой компенсации.

Сообразно с изложенным должен быть изменен проект протокола к Договору 4-х держав, представленный г. Риббентропом о разграничении сфер влияния, в духе определения центра тяжести аспирации СССР на юге от Батума и Баку в общем направлении к Персидскому заливу (немцы предлагали направить территориальные устремления Советского Союза в сторону Индийского океана, Сталин же устами Молотова уточнил, что нефть интересует его гораздо больше, нежели индийский чай и слоны с изумрудами. – М. С.).

Точно так же должен быть изменен изложенный г. Риббентропом проект Протокола-Соглашения между Германией, Италией и СССР и Турцией в духе обеспечения военной и военно-морской базы СССР у Босфора и Дарданелл на началах долгосрочной аренды с гарантией 3-х держав независимости и территории Турции в случае, если Турция согласится присоединиться к четырем державам.

В этом протоколе должно быть предусмотрено, что в случае отказа Турции присоединиться к четырем державам Германия, Италия и СССР договариваются выработать и провести в жизнь необходимые военные и дипломатические меры, о чем должно быть заключено специальное соглашение».

Если политическое, экономическое и военное сотрудничество гитлеровской Германии и сталинского СССР в период 1939–1941 гг. является достоверным фактом, то по вопросу о сепаратных переговорах во время советско-германской войны остается лишь строить очень зыбкие гипотезы. Документального материала для построения какой-либо обоснованной версии событий крайне мало. Попробуем кратко суммировать имеющиеся крохи информации.

Первое. Ни в архивах разгромленного Третьего рейха, ни в свидетельских показаниях представших перед судом главарей гитлеровского режима, ни в мемуарах тех, кто смог пережить «первую волну» возмездия (худо-бедно, но только по приговорам военных трибуналов было казнено 480 фашистов), нет никаких сведений о реально состоявшихся сепаратных советско-германских переговорах. Это серьезный аргумент в пользу того, что если что-то и было, то дальше предварительного зондажа намерений сторон это «что-то» не продвинулось.

Второе. Есть вполне достоверный документ: «Объяснительная записка П.А. Судоплатова в Совет Министров СССР от 7 августа 1953 г.» (хранится в Архиве Президента РФ, ф. 3, оп. 24, д. 465, лл. 204–208). Под «достоверностью» документа в данном случае я понимаю исключительно и только достоверность факта существования самих пожелтевших машинописных страниц – но ни в коем случае не доказанную достоверность содержания.

Даже самый короткий рассказ о том, кто такой П.А. Судоплатов, займет половину этой главы. Поэтому ограничимся простым определением: Очень Крупный Чекист. Человек с биографией, превосходящей любой авантюрный роман. Если Судоплатов и использовал когда-нибудь выражение «сказать правду», то едва ли он понимал его так, как большинство обычных людей. «Объяснительная записка» Судоплатова появилась в рамках расследования уголовного дела Л. Берия. Для Судоплатова Лаврентий Берия был личным врагом. Правда, в конечном итоге Судоплатов в тюрьму на долгие годы отправил не Берия, а Хрущев... С учетом всех этих обстоятельств прочитаем несколько первых абзацев документа:

«Докладываю о следующем известном мне факте.

Через несколько дней после вероломного нападения фашистской Германии на СССР, примерно числа 25–27 июня 1941 года, я был вызван в служебный кабинет бывшего тогда народного комиссара внутренних дел СССР Берия. Берия сказал мне, что есть решение Советского правительства, согласно которому необходимо неофициальным путем выяснить, на каких условиях Германия согласится прекратить войну против СССР и приостановит наступление

немецко-фашистских войск. Берия объяснил мне, что это решение Советского правительства имеет целью создать условия, позволяющие Советскому правительству сманеврировать и выиграть время для собирания сил. В этой связи Берия приказал мне встретиться с болгарским послом в СССР Стаменовым, который, по сведениям НКВД СССР, имел связи с немцами и был им хорошо известен (далее в опубликованном тексте «Записки» идет многоточие. – М. С.).

Берия приказал мне поставить в беседе со Стаменовым четыре вопроса. Вопросы эти Берия перечислял, глядя в свою записную книжку, и они сводились к следующему:

1. Почему Германия, нарушив пакт о ненападении, начала войну против СССР;
2. Что Германию устроило бы, на каких условиях Германия согласна прекратить войну, что нужно для прекращения войны;
3. Устроит ли немцев передача Германии таких советских земель, как Прибалтика, Украина, Бессарабия, Буковина, Карельский перешеек;
4. Если нет, то на какие территории Германия дополнительно претендует.

Берия приказал мне, чтобы разговор со Стаменовым вел не от имени Советского правительства, а поставил эти вопросы в процессе беседы на тему о создавшейся военной и политической обстановке и выяснил также мнение Стаменова по существу этих четырех вопросов».

Далее идет подробное изложение обстоятельств подготовки и проведения встречи, которая состоялась в ресторане «Арагви» в Москве. После этого Судоплатов пишет:

«Некоторое время продолжалось наблюдение за шифрованной перепиской Стаменова. Результатов это не дало. Однако это не исключает, что Стаменов мог сообщить об этой беседе через дипломатическую почту или дипломатическую связь тех посольств и миссий, страны которых к тому времени еще не участвовали в войне. Большие никаких указаний, связанных с этим делом или с использованием Стаменова, я не получал. Встречался ли лично Берия со Стаменовым, мне неизвестно. Мне организация подобной встречи не поручалась...»

Это – зондаж возможного мирного соглашения. Так как в тот момент Советский Союз юридически еще не был союзником Англии и США, то термин «сепаратный мир» в данном случае неуместен. Судя по известной на сей день информации, дальше осторожного зондажа дело тогда не продвинулось.

Третье. Доподлинно известно, что осенью 1941 г. Сталин шантажировал западных союзников возможностью заключения сепаратного мира с немцами. У. Черчилль в своей многотомной «Истории Второй мировой войны» приводит текст письма, которое прислал ему товарищ Сталин 3 сентября 1941 года: *«Без этих двух видов помощи (речь шла о высадке англичан во Францию и о поставках в СССР 400 самолетов и 500 танков ежемесячно. – М. С.) Советский Союз либо потерпит поражение, либо будет ослаблен до того, что потеряет надолго способность оказывать помощь своим союзникам активными действиями на фронте борьбы с гитлеризмом...»* Никакого другого смысла, кроме угрозы заключить сепаратный мир с Гитлером, эта фраза иметь не могла.

Четвертое. Доподлинно известно, что первая встреча «Большой тройки» (Рузвельт, Сталин, Черчилль) состоялась лишь в декабре 1943 года (в Тегеране). Получается, что два с половиной года (!!!) «союзники» союзничали, так и не заключив никакого конкретного соглашения о целях войны, задачах сторон и будущем устройстве Европы. И это очень странно. Переписка Сталина и Рузвельта, посвященная подготовке встречи «Большой тройки», опубликована давным-давно (еще в «годы застоя»). Никаких сомнений в достоверности публикации ни в США, ни в СССР не высказывалось. Так вот, из этой переписки следует, что на протяжении всего 1943 года Сталин оттягивал проведение встречи как только мог. Почему? Не был ли этот, затянувшийся на два с половиной года, фактический отказ от заключения всеобъемлющего договора с союзниками проявлением желания Сталина «держат дверь открытой»

на случай заключения сепаратной сделки с Гитлером? Не знаю. И никто этого не знает, но вопросы остаются...

Глава 3 Снег в июне, или К вопросу о «еб-ной матери»

Теперь от фальсификаций, сработанных на самом примитивном, любительском уровне, перейдем к эпизоду, связанному с дискуссией вокруг «дезы», изготовленной профессионалами тайной войны.

На рубеже 80—90-х годов наших историков-публицистов, что называется, «прорвало». Галдя и толкая друг друга локтями, вчерашние труженики отдела агитации и пропаганды кинулись открывать народу глаза и разглашать Страшную Военную Тайну. Эта «страшная тайна» (смею предположить – заблаговременно подготовленная в управлении контр пропаганды более серьезной, нежели горком КПСС, конторы) сводилась, в сущности, к одному тезису – к «догмату о неготовности». С горестным всхлипыванием нам начали рассказывать о том, что великие достижения сталинской индустриализации, сверкающие блеском стали танки и застилающие небо над Красной площадью армады самолетов – это все блеф, мираж, наваждение. Что-то вроде стахановских рекордов и изобильных колхозных урожаев. А на самом деле... А на самом деле ничего-то у нас и не было. И воевать-то было нечем. Самолеты фанерные, танки «безнадежно устаревшие», ДОСы недостроенные, одна винтовка на двоих.

Была даже выпущена книжка (в целом очень неплохая, с большим количеством рассекреченных документов) с весьма характерным для того времени названием: «Скрытая правда войны» («Русская книга». М., 1992 г., сост. П.Н. Кнышевский). В частности, из приведенной в книге таблицы *«Обеспеченность механизированных корпусов Красной Армии боеприпасами по состоянию на 15 июня 1941 г.»* каждый интересующийся мог узнать, что *«152-мм выстрелами к танковым пушкам»* («снаряд» – это то, что вылетает из дула орудия; все вместе, т. е. снаряд, взрыватель, метательный заряд, называется в артиллерии «выстрелом») мехкорпуса были обеспечены в целом на 10 %, а мехкорпуса Западного Особого военного округа – на 0 %. Ноль, товарищи дорогие, голый ноль. Чем воевать? Камнями и палками? Что толку от таких мехкорпусов, если им стрелять нечем?

Страшное дело. Чтобы и впредь не оказаться в положении жертвы «мозгоимения», научитесь, уважаемый читатель, задавать ДВА ЗОЛОТЫХ ВОПРОСА:

Первый. Мало – по сравнению с чем?

Второй. Проценты – отчего?

И все у нас получится.

С кем 15 июня 1941 г. собиралась воевать Красная Армия в целом и ее мехкорпуса в частности? С марсианами? Ах, с немцами... Так давайте с немцами и сравнивать «обеспеченность 152-мм выстрелами к танковым пушкам». Само собой, 152-мм выстрелов в немецких танковых дивизиях быть не могло. В вермахте были приняты калибры 105 мм и 150 мм. Так вот, сколько 150-мм выстрелов к танковым пушкам было в вермахте по состоянию на 15 июня 1941 года? Докладываю – ноль целых, хрен десятых. Источник информации? Никакого источника в данном случае не надо. В июне 41-го на вооружении вермахта не было ни одного танка, вооруженного орудием калибра 150 мм или «хотя бы» 105-мм. Да и танки Pz-IV, вооруженные 75-мм пушкой, составляли всего лишь 14 % от общего танкового парка. И до самого конца войны серийных танков с орудиями 6-дюймового калибра в Германии не появилось. Скажу больше – в начале XXI века на вооружении бундсвера нет ни одного типа танков (прошу не путать танк с самоходным орудием), во вращающейся башне которых размещалось бы орудие калибра более 120 мм.

Разместив во вращающейся (т. е. сложной по конструкции и создающей огромные компоновочные проблемы) башне танка KB-2 гаубицу калибра 152-мм, советские инженеры решили техническую задачу исключительной сложности. Про такие чудо-танки не говорят «мало». Даже два танка KB-2 – это больше, чем было танков с 6-дюймовой гаубицей во всех армиях

мира вместе взятых. Но у нас их было не два, а значительно больше. Всего до конца июня 1941 г. было выпущено 213 танков КВ-2.

Теперь о процентах и боеприпасах. Что имели в виду составители таблицы в сборнике «Скрытая правда войны» – понять решительно невозможно. Никаких пояснений к своей таблице и загадочным процентам они не дают. Цифра обеспеченности ВСЕХ мехкорпусов 152-мм выстрелами к танковым пушкам – это еще смешнее, чем знаменитая «средняя температура по больнице». В июне 41-го лишь восемь (из 29) мехкорпусов имели на вооружении танки КВ в заметных (более 10 единиц) количествах.

Во всем Западном Особом военном округе был один мех-корпус (из шести), на вооружении которого были танки КВ-2 в количестве 22 единицы. Но самое главное заключается в другом. Танк КВ-2 был вооружен не какой-то уникальной, а почти стандартной (танковый вариант отличался от орудия полевой артиллерии чуть укороченным стволом) 152 мм гаубицей М-10 «образца 1938 г.». Боеприпасы для этой артсистемы производились в огромных количествах. Конкретно: 2642 тыс. выстрелов к началу войны было в наличии, 925 тыс. выстрелов было поставлено в войска во втором полугодии 1941 года. Боекомплект одного танка КВ-2 составлял 36 (тридцать шесть) выстрелов. Пять боекомплектов на все 213 танков – это «жалкие» 38,3 тыс. выстрелов.

Полтора процента от общего запаса гаубичных выстрелов 152-мм калибра. Было чем воевать... Остается предположить (еще раз повторю, что составители «страшной таблицы» не объяснили – проценты чего от чего они считают), что цифра 0 % применительно к Западному ОВО обозначает всего лишь отсутствие специальных бетонобойных и морских (это не опечатка!) бронебойных снарядов к танковой 152-мм гаубице.

Дело в том, что танк КВ-2 создавался как «танк прорыва укрепленных полос». Предполагалось использовать его в наступлении для уничтожения бетонных ДОТов и бронеколпаков. Для борьбы с последними и планировалось использование «морской бронебойной гранаты» (в корабельной артиллерии этот боеприпас должен был пробить броневую палубу и взорваться внутри вражеского судна). Утром 22 июня 1941 г. вся эта «экзотика» стала абсолютно ненужной, так как войскам Западного округа (равно, как и всем прочим) предстояло воевать на собственной территории, т. е. там, где вражеских бетонных ДОТов не могло быть по определению. Главной (если не сказать – единственной) задачей, которую мог решать сверхтяжелый танк КВ-2 в обороне, – это борьба с пехотой противника, для чего стандартный 152-мм осколочно-фугасный снаряд годился как нельзя лучше...

Вернемся, однако же, к вопросу, вынесенному в название данной главы. Важнейшим элементом внезапно обнаружившейся «неготовности» Советского Союза к войне было объявлено отсутствие начальника. То есть начальник-то был, но для серьезного дела он совершенно не годился. Скрытая «правда» войны, оказывается, состоит в том, что товарищ Сталин был не доверчивый, а супердоверчивый. Наивный и глупый. Такого любой обманет. Воспитанница института благородных девиц, краснеющая при виде голых лошадей на улице, может считаться «гением злодейства» по сравнению с простодушным товарищем Сталиным. Оказывается, Сталин любовно разглядывал подпись Риббентропа под Пактом о ненападении, вместо того чтобы приказать привести войска в «состояние полной готовности»...

Вы думаете, уважаемый читатель, что я шучу, ерничаю, грубо преувеличиваю? Если бы... Для пущей важности был вызван «иностраный консультант». Израильский профессор Г. Городецкий (он, к слову говоря, урожденный израильтянин, а не репатриант из бывшего СССР) вполне оправдал оказанное ему высокое доверие. В книге с восхитительным названием «Роковой самообман. Сталин и нападение Германии» товарищ Городецкий (язык не поворачивается назвать его «господином») как дважды два доказал, что

«...Сталин просто-напросто отказывался воспринимать сообщения разведки... Сталин не разрешил военным приступить к осуществлению планов обороны... Сталин оставался глух к просьбам Жукова приступить к осуществлению планов развертывания... Сталин явно растерялся, но отчаянно не хотел расставаться со своим заблуждением... Сталин, по-видимому, знал прочь любую мысль о войне, он потерял инициативу и был практически парализован...»

В предисловии к своему сочинению Г. Городецкий с гордостью пишет: *«Ценой невероятных усилий я добился доступа к огромному количеству архивных источников»*. Вона как! Не иначе как получил товарищ Городецкий на пару с писателем

В. Карповым заветный «допуск номер один». Только с таким «допуском» можно было добраться до информации о том, что в 41-м году *«зима в Москве необычайно долго затянулась, и даже во вторую неделю июня выпал снег»*. Я не шучу. Я цитирую. См. страницу 345.

Немногим уступали «иностранному консультанту» и местные кадры. Один товарищ написал дословно следующее:

«...Ожидая в случае войны скорого поражения, а для себя лично – гибели, Сталин, вероятно, считал сопротивление бесполезным, оттого и не пытался ни грозить Гитлеру, ни изготавиться к бою вовремя... Сознавая близость нападения, Сталин не развернул армию, не привел ее в боевую готовность, подставив ее под бомбы – спящую в казармах, с накрытыми брезентом самолетами... В первые дни войны он выпустил из рук руководство совершенно не принимая участия ни в каких делах...»

Досталось в эпоху вскрытия «скрытой тайны войны» и злейшему сталинскому «сатрапу» Лаврентию Берия. Из публикации в публикацию запорхала следующая дурно пахнущая «утка»:

«...Я вновь настаиваю на отзыве и наказании нашего посла в Берлине Деканозова, который по-прежнему бомбардирует меня «дезой» о якобы готовящемся нападении на СССР... То же радировал и генерал-майор В.И. Туников, военный атташе в Берлине. Этот тупой генерал утверждает, что три группы армий вермахта будут наступать на Москву, Ленинград и Киев... Но я и мои люди, Иосиф Виссарионович, твердо помним Ваше мудрое предназначение: в 1941 году Гитлер на нас не нападет».

Этот бред под названием «Докладная записка Л.П. Берия от 21 июня 1941 г.» запустил в обращение известный писатель и киносценарист О. Горчаков. Кое-какие правильные слова писатель Горчаков знал, поэтому украсил свой опус такой фразой: *«На старой папке, где хранятся эти донесения, выцветшими фиолетовыми чернилами пронумерован фонд, опись, дело»*. Вот и отлично, вот и замечательно – огласите, товарищ писатель, конкретные номера «фонда, описи и дела». Но этого Горчаков, разумеется, не сделал. Что не случайно – так называемая «Докладная записка Берия» является стопроцентной фальшивкой.

К настоящему времени опубликованы сотни донесений советской разведки, адресованных Сталину. Некоторые из них подписал Л. Берия. В них никогда не используется обращение «Иосиф Виссарионович», там абсолютно немыслимо появление выражений типа «Ваше мудрое предназначение», «тупой генерал Туников» и прочая дешевая бульварщина. Категорических выводов вроде «в 1941 году Гитлер на нас не нападет» никто никогда не делает. Уточнение про должность генерала Туликова («военный атташе в Берлине») сделано исключительно и только для будущих читателей фальшивки – Сталин обладал феноменальной памятью и уж фамилии своих представителей в Берлине знал наизусть. «Записка Л. Берия» представляет собой очень грубую, топорно сработанную компиляцию типовых мифов и сплетен перестроенной «скрытой правды войны». И что же – по сей день эта «утка» полна бодрости и сил. Поисковая система в Интернете с ходу выдала мне 271 документ, в котором на полном серьезе говорится о записке с «мудрым предназначением». Один из «документов» – это большая статья, подписанная генералом армии Квашниным (на тот момент – начальником Генштаба российской армии) и президентом Академии военных наук (!!!), генералом армии Гареевым...

Вот на эту-то, обильно унавоженную почву и упал РЕАЛЬНЫЙ документ. ФСБ РФ рассекретило и со ссылкой на Архив Президента (АП РФ, ф. 3, оп. 50, д. 415, л. 50–52) опубликовало *«Сообщение НКГБ СССР И. В. Сталину и В. М. Молотову № 2279/м»* от 17 июня 1941 года. «Источник», работающий в штабе германской авиации, сообщал о том, что *«все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время»*.

Сталин собственноручно начертил на этом документе следующую резолюцию (воспроизвожу с точным соблюдением орфографии оригинала): *«Т-цу Меркулову. Можете послать ваш «источник» из штаба герм. авиации к еб-ной матери. Это не «источник», а дезинформатор. И. Ст.»*.

Ах, какой тут был скандал! Из журнала в журнал, из книги в книгу перелетала эта несчастная резолюция – как пример вопиющей тупости (или патологической наивности) Сталина. Еще бы, ему дураку докладывают про близящееся нападение, а он... Как там было у незабвенного М.Е. Салтыкова-Щедрина? *«Но Дунька отвечала невежеством...»* Удивительно, но даже пламенные сталинолюбые в этой ситуации стыдливо опустили очи долу и не заступились за своего поверженного кумира.

Я не люблю Сталина, и это самое мягкое выражение, в котором я могу выразить свои чувства. Однако не могу не признать, что в данном конкретном случае товарищ Сталин был не прав только в одном: негоже руководителю государства опускаться до использования подзаборных выражений.

По сути же дела Сталин был абсолютно прав: дезинформация была настолько издевательски-прозрачна, что в ее оценке (равно как и в оценке некомпетентности «т-ща Меркулова») трудно было удержаться от резких слов.

Вот полный текст сообщения (каковой текст, видимо, ни один перестроечный журналист так и не удосужился прочитать дальше первой фразы):

«Источник, работающий в штабе германской авиации, сообщает:

1. Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время.

2. В кругах штаба авиации сообщение ТАСС от 6 июня воспринято весьма иронически. Подчеркивают, что это заявление никакого значения иметь не может.

3. Объектами налетов германской авиации в первую очередь явятся: электростанция «Свирь-3», московские заводы, производящие отдельные части к самолетам (электрооборудование, шарикоподшипники, покрышки), а также авторемонтные мастерские.

4. В военных действиях на стороне Германии активное участие примет Венгрия. Часть германских самолетов, главным образом истребителей, находится уже на венгерских аэродромах.

5. Важные немецкие авиаремонтные мастерские расположены: в Кенигсберге, Гдыне, Грауденце, Бреславле, Мариенбурге. Авиамоторные мастерские Милича в Польше, в Варшаве – Очачи и особо важные в Хейлигенкейль».

У товарища Сталина были очень веские основания не верить в то, что по состоянию на 17 июня 1941 г. *«все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены»*. Это серьезная тема, ее не надо комкать, и мы подробно обсудим ее в следующей главе. Пункт 4, как сегодня доподлинно известно, является явной дезинформацией. Никаких немецких истребителей на венгерских аэродромах не было, более того, немцам пришлось приложить значительные усилия, включающие в себя провокационную инсценировку бомбардировки советскими самолетами Кошице и Мукачево (на тот момент эти города под названием Касса и Мункач находились на венгерской территории), для того, чтобы втянуть Венгрию в войну. В июне 1941 г. регент Венгрии адмирал Хорти противился этому, как только мог. Однако самым, на мой взгляд, важным содержанием дезинформационного сооб-

щения был пункт 3. Самым важным он является потому, что в пункте 3 речь идет уже о совершенно конкретных вещах. И эта конкретика с неизбежностью выдает дезинформатора.

Сталин прекрасно понимал, что «авторемонтные мастерские в Москве» и электростанция в Карелии («Свирь-3») не могут стать объектами первого удара люфтваффе. Нарком госбезопасности Меркулов тоже обязан был обладать неким минимальным набором познаний в области теории и практики применения боевой авиации, позволяющим понять абсурдность (в данном случае – преднамеренную лживость) этого утверждения. Так что возмущение Сталина было вполне оправданным.

От аэродромов немецкой бомбардировочной авиации на территории оккупированной Польши до Москвы – более тысячи километров в один конец. Такое же расстояние отделяло и аэродромы Восточной Пруссии от реки Свирь. Теоретически «Юнкере» Ju-88 или «Хейнкель» He-111 могли совершить такой дальний рейд, но лишь с минимальной бомбовой нагрузкой и, что самое главное, безо всякого истребительного сопровождения. Крейсерская (не путать с максимальной) скорость этих самолетов составляла порядка 350 км/час. Другими словами, им предстояло провести без истребительного прикрытия шесть долгих часов в воздухе над территорией противника, система ПВО которого еще не подавлена – речь ведь идет о первом ударе! Само собой, каждый гитлеровский сокол обязан был отдать жизнь «за фюрера и фатерлянд», но чего ради было организовывать такое коллективное самоубийство?

В реальности первый налет немецкой авиации на Москву был осуществлен только через месяц после начала войны, в ночь на 22 июля. Фронт к тому времени проходил в районе Ярцево – Ельня, в 300 км от центра Москвы. Теоретически это позволяло прикрыть немецкие бомбардировщики истребителями (если и не на всем, то на большей части маршрута), но, учитывая огромную концентрацию сил советской истребительной авиации (в системе ПВО Москвы к 22 июля было 29 истребительных авиаполков, на вооружении которых было 585 истребителей – примерно столько же, сколько у немцев на всем Восточном фронте), командование люфтваффе так и не решилось на проведение дневных налетов. С 22 июля по 15 августа на Москву было произведено 18 ночных налетов. По данным советских постов воздушного наблюдения, всего (т. е. за три недели) было зафиксировано 1700 самолетопролетов, но к столице смогло прорваться лишь порядка 70 вражеских бомбардировщиков.

Задачу предстоящего воздушного наступления на Москву Гитлер лично сформулировал 14 июля следующим образом: *«Нанести удар по центру большевистского сопротивления и воспрепятствовать организованной эвакуации русского правительственного аппарата»*. Как видим, ни «авторемонтные мастерские», ни даже «заводы, производящие отдельные части к самолетам», не вошли в перечень приоритетных объектов. И это не случайно – в середине июля Гитлер и его генералы не собирались ломать и портить советские заводы. Они рассчитывали на то, что последнюю треть пути от Бреста до Москвы им удастся преодолеть в том же темпе, в каком были пройдены первые две трети. Планировался и осуществлялся «блицкриг», беспощадное стремительное сокрушение армии противника, а вовсе не «война на истощение», в рамках которой только и имели бы смысл авиааналеты на заводы, производящие *«электрооборудование, шарикоподшипники, покрышки»*.

Объектом первого авиаудара могли стать – и стали в реальности – отнюдь не автомастерские в глубоком тылу. Гадать об этом не приходилось: перед глазами Сталина был практический опыт немецкого «блицкрига» во Франции (с этим опытом знакомились сразу из двух источников, так как Москва продолжала поддерживать нормальные дипломатические отношения и с Берлином, и с Виши) и оперативные планы командования ВВС Красной Армии. И что же в них было написано? А вот что:

«...Последовательными ударами боевой авиации по установленным базам и боевыми действиями в воздухе уничтожит авиацию противника. Завоевать господство в воздухе и

мощными ударами по основным группировкам войск, железнодорожным узлам, мостам и перегонам нарушить и задержать сосредоточение и развертывание войск противника...»

Эти стандартные фразы присутствуют в планах прикрытия всех без исключения западных округов. Могли план действия немецкой авиации существенно отличаться от этого «стандарта», вполне подтвержденного практикой воздушной войны на Западном фронте? Мог, но только в одну сторону – в сторону еще большей концентрации всех (или почти всех) сил и средств на решение одной, ключевой задачи. Этой задачей было завоевание превосходства в воздухе, и в частности – удар по аэродромам базирования советской истребительной авиации, как один из способов решения главной задачи. Ни на что другое в первые дни и часы войны командование люфтваффе не могло отвлекаться – ни на бессмысленные бомбардировки московских автосервисов, ни даже на абсолютно необходимые действия по авиационной поддержке наземных войск и разрушению мостов, переправ, железнодорожных станций в оперативном тылу Красной Армии (на современном языке это называется «изоляция ТВД»).

Сталин это прекрасно понимал. Именно поэтому неуклюжая попытка обмануть его нелепым сообщением о том, что «объектом налетов германской авиации в первую очередь явится электростанция «Свирь-3», вывела из себя этого обычно крайне сдержанного в выражениях человека. А вот современные российские «историки» и журналисты ситуацию не понимают. Почему? Здесь мы встречаемся с весьма примечательным примером того, как «единожды совравшим» приходится врать все дальше и все больше.

Десятки лет ОНИ рассказывали нам про «многократное численное превосходство» немецкой авиации, «безнадежно устаревшие фанерные истребители» и советских летчиков, налетавших к началу войны всего 6 часов учебных разворотов «по коробочке». Несметная туча черных воронов с одной стороны – и желторотые птенцы с другой. Вы думаете, я преувеличиваю? Нет, я в очередной раз цитирую, на этот раз – мемуары одного советского флотоводца:

«...Могучие лучи прожекторов разрезали безоблачное звёздное небо и закачались маятниками, ощупывая небосвод, по которому, нарастая с каждой секундой, разливался монотонный гул. Наконец, со стороны моря появилась устрашающая армада низко летящих самолётов. Их бескрайние вороньи ряды поочередно проносились вдоль Северной бухты... Мрачные силуэты неизвестных еще бомбардировщиков то вспыхивали в лучах прожекторов, то пропадали в пустоте неба...»

Единственным словом правды в этом описании первого налета немецкой авиации на Севастополь является слово «поочередно». Ранним утром 22 июня 1941 г. в налете на главную базу Черноморского флота приняло участие 4 (четыре) немецких бомбардировщика «Хейнкель» He-111. Самолеты выходили на цель по одному, с большими временными интервалами (15–25 минут) и сбрасывали донные магнитные мины на парашютах. Всего было сброшено 8 (восемь) мин, причем весьма неточно: три мины взорвались на суше, две упали на мелководье и автоматически подорвались. Запись в Журнале боевых действий и свидетельства многих участников событий говорят о том, что один бомбардировщик был сбит и упал в море, однако, судя по немецким данным, безвозвратных потерь при налете на Севастополь не было.

На фоне «бесконечных вороньих рядов» предположение о том, что немцы могли позволить себе такую неоправданную «роскошь», как авианалеты на электростанцию в Карелии в первый день войны, не казалось столь абсурдным, каким оно является на самом деле. Но товарищ Сталин знал численность и боевые возможности своей авиации не от журналистов. Имело некоторое представление о реальной численности противника и командование люфтваффе. Простая арифметика неумолимо свидетельствовала о том, что ситуация для немцев была практически безнадежной. Сил было крайне мало. Мало по сравнению с численностью авиации противника (т. е. советских ВВС), мало по сравнению с любыми теоретическими нормативами, мало по сравнению с опытом проведения прежних кампаний.

В мае 1940 г. немцам удалось сосредоточить на Западном фронте самую большую группировку сил люфтваффе за все время Второй мировой войны. Наступление вермахта на фронте протяженностью в 300 км по прямой (от Арнема до Саарбрюкена) с воздуха поддерживал группировка авиации, в составе которых насчитывалось 27 истребительных и 40 бомбардировочных авиагрупп, 9 групп пикировщиков Ju-87 и 9 групп многоцелевых двухмоторных Me-110. Всего 85 групп, 3641 боевой самолет. Оперативная плотность – 12 боевых самолетов на километр фронта наступления.

22 июня 1941 г. на Восточном фронте было сосредоточено (даже с учетом частей люфтваффе, дислоцированных в северной Норвегии и в Румынии) 22 истребительные и 29 бомбардировочных авиагрупп, 8 групп пикировщиков Ju-87 и 4 группы многоцелевых двухмоторных Me-110. Всего 63 группы, на вооружении которых числилось порядка 2350 боевых самолетов (включая неисправные). После предшествующих многомесячных боев в небе над Англией, Балканами и Средиземным морем техническое состояние самолетного парка люфтваффе было удручающим. Средний процент боеготовых самолетов составлял 77 %. Такие авиагруппы, как II/JG-77, III/JG-27, I/StG-2, II/KG-53, III/KG-3, I/ZG-26, прибыли на Восточный фронт, имея на вооружении менее половины штатного числа исправных самолетов.

В июне 41-го минимальная протяженность фронта наступления в первый день войны составляла 800 км по прямой (от Клайпеды до Самбора). Уже через две недели ширина фронта увеличилась почти в два раза (1400 км по прямой от Риги до Одессы). Даже без учета потерь первых дней войны средняя оперативная плотность немецкой авиации снизилась до 2 самолетов на километр фронта наступления (опять же – включая неисправные). К этому остается только добавить, что по предвоенным представлениям советской военной науки фронтовая наступательная операция требовала создания плотностей в 20–25 самолетов на километр.

В среднем по числу летчиков-истребителей (с учетом ВВС Черноморского и Балтийского флотов) советская авиация имела четырехкратное превосходство над противником (расчет по числу самолетов-истребителей приводит к еще большим цифрам, так как во многих истребительных полках советских ВВС самолетов было в 1,5–2 раза больше, чем летчиков). На северном и южном флангах огромного фронта (т. е. в Прибалтике и на Украине) численное превосходство советской истребительной авиации было просто подавляющим: 7 к 1 в полосе наступления немецкой группы армий «Север» и 5 к 1 в полосе наступления группы армий «Юг».

В такой ситуации у командования люфтваффе оставался единственный шанс, оставляющий некоторую надежду на успех. Немцы были вынуждены прибегнуть к такому рискованному и затратному тактическому приему, как массированный удар по аэродромам базирования советских истребителей. Еще раз подчеркнем – это был вынужденный шаг, чреватый огромными потерями, но других шансов у немцев просто не было, и в этот первый удар они вложили все свои силы. Точные цифры мне неизвестны, но считается, что 22 июня немцы выполнили порядка 2000–2500 вылетов для ударов по аэродромам (сравните это с 1700 вылетов на бомбардировку Москвы в течение трех недель!).

Покончив с этим, в сущности малозначащим, вопросом о «еб-ной матери», перейдем к вопросу гораздо более важному. Речь пойдет об источниках информации, которая была в распоряжении Генерального штаба Красной Армии накануне войны.

Начиная с эпохи Хрущева и вплоть до сегодняшнего дня излюбленным сюжетом фальсификаторов истории (думаю, что пора вернуть воспитанникам КПСС/КГБ придуманный ими термин) являются рассказы про то, как вездесущая советская разведка добывала пудами секретные документы немецкого командования, а глупый (или наивный, или смертельно перепуганный, или «самообманутый», по версии Г. Городецкого) Сталин их и слушать не хотел. Разумеется, эта вакханалия лжи усилилась в последние 10–15 лет. Складывается впечатление, что

идейные наследники «т-ща Меркулова» решили задним числом отомстить Сталину за проявленное к ним неуважение, а заодно и повысить «рейтинг» своей несколько поблекшей в августе 1991 г. конторы.

Так, в 1995 году ФСБ выпустила в свет сборник документов под ошеломляющим названием «Секреты Гитлера на столе у Сталина». Одним из первых «секретов», с которых начинается этот сборник, был украшенный всеми необходимыми грифами секретности и надписями типа «Юстас – Алексу» отчет о пресс-конференции министра иностранных дел Англии. С неменьшим успехом на стол Сталина можно было положить любую лондонскую газету с материалами этой пресс-конференции и машинописный листочек с переводом текста... Читали ли сами составители сборника свою книгу? Скорее всего – да, так как в предисловии они мелким шрифтом признаются в том, что помпезное название сборника не имеет ничего общего с его содержанием:

«...информация о военных приготовлениях [Германии] не отвечала на главный вопрос: с какой целью эти приготовления осуществляются, принято ли правительствами Германии политическое решение о нападении, когда следует ожидать агрессии, каковы будут стратегические и тактические цели ведения противником военных действий...»

Правильный ответ начинается с правильного вопроса.

Если под «секретами Гитлера» понимать информацию о том, что бесноватый «фюрер» ненавидит коммунистов, одержим агрессивным бредом «исключительности арийской расы» и вынашивает планы расширения «жизненного пространства» Германии за счет земель ее восточных славянских соседей, то такие секреты можно было прочесть в любой нацистской газете. Если под «военными планами» понимать слухи о возможном в скором будущем повороте острия гитлеровской агрессии на Восток, то весной 1941 года об этом писали газеты и шептались дипломаты всего мира. Но для целей оперативного планирования будущих боевых действий командованию Красной Армии нужны были не слухи, а точные и, что самое главное, подтвержденные документами ответы на вопросы: «Когда? Где? Какими силами?» Эту задачу – да, несомненно, более сложную, нежели сбор сплетен на дипломатических раутах – советская разведка решить не смогла.

Такой неутешительный вывод находит свое точное подтверждение в рассекреченных и опубликованных в 1992–1998 гг. планах стратегического развертывания Вооруженных сил СССР.

С августа 1940 г. по март 1941 г. каждый из известных ныне вариантов Большого Плана содержит во первых своих строках следующую фразу: «Документальными данными об оперативных планах вероятных противников как по Западу, так и по Востоку Генеральный штаб КА не располагает». В последнем из доступных ныне вариантов плана стратегического развертывания (датируется как «не ранее 15 мая») этой печальной фразы нет. Нет там, к сожалению, и обратного – утверждения о наличии «документальных данных об оперативных планах противника». Более того, имеющаяся в майском варианте оценка вероятных действий противника явно свидетельствует об успехе дезинформационных мероприятий гитлеровских спецслужб:

«Вероятнее всего главные силы немецкой армии в составе 76 пехотных, 11 танковых, 8 моторизованных, 2 кавалерийских и 5 воздушных, а всего до 100 дивизий будут развернуты к югу от Демблин для нанесения удара в направлении Ковель – Ровно – Киев. Этот удар, по-видимому, будет сопровождаться ударом на севере из Восточной Пруссии на Вильно и Ригу, а также короткими, концентрическими ударами со стороны Сувалки и Бреста на Волковыск, Барановичи».

Предположение глубоко ошибочное. Главный удар «главными силами немецкой армии» (что сегодня должно быть известно каждому школьнику старших классов) был нанесен не на Украине, а в центре Восточного фронта, по линии Минск – Смоленск. При этом от Сувалки и Бреста наносились не «короткие удары» на Волковыск, Барановичи, а основные

удары силами двух самых мощных танковых групп вермахта (3-я ТГр Гота и 2-я ТГр Гудериана), причем на значительно большую глубину и в других направлениях, с задачей осуществления глубокого охвата и окружения всей группировки советских войск в Белоруссии. О том, какие «секреты Гитлера» были на столе у Сталина, достаточно наглядно свидетельствует тот факт, что именно 4-я армия Западного фронта, расположенная на Брестском направлении (т. е. на острие главного удара вермахта), оказалась той единственной (!!!) армией первого эшелона Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов, в составе которой не было артиллерийской противотанковой бригады.

Немецкое командование, конечно же, понимало, что скрыть концентрацию 3-миллионной армии у западных границ СССР не удастся, поэтому стремилось ввести советскую разведку и высшее командование Красной Армии в заблуждение относительно конкретных планов использования этой группировки. Одной из составляющих тщательно разработанного, многозвенного и многоуровневого плана дезинформационных мероприятий была организованная «утечка информации» о том, что главные удары вермахт нанесет на крайнем северном и крайнем южном флангах Восточного фронта, т. е. из Восточной Пруссии (или даже из Финляндии) и из Румынии. Элементом продуманной дезинформации был и поток самых разных «дат начала войны», который должен был в конечном итоге дезориентировать руководство советской разведки.

Вот один из характерных примеров. Маршал Г.К. Жуков (накануне войны – начальник Генштаба Красной Армии) в своих мемуарах пишет:

«... 6 мая 1941 года И. В. Сталину направил записку народный комиссар Военно-Морского Флота адмирал Н.Г. Кузнецов: «Военно-морской атташе в Берлине капитан 1 ранга Воронцов доносит:... что, со слов одного германского офицера из ставки Гитлера, немцы готовят к 14 мая вторжение в СССР через Финляндию, Прибалтику и Румынию. Одновременно намечены мощные налеты авиации на Москву, Ленинград и высадка парашютных десантов в приграничных центрах...»

Ни одного слова правды в этом сообщении нет. Перед нами вполне стандартная для весны 1941 г. германская «деза» – главный удар на флангах, мощные налеты на Москву, заведомо неверная дата начала вторжения. Но что самое примечательное – даже через много лет после окончания войны Жуков или не способен понять, что перед ним была немецкая фальшивка, или откровенно морочит голову несведущим читателям, утверждая, что *«данные, изложенные в этом документе, имели исключительную ценность. Однако выводы адмирала Н.Г. Кузнецова не соответствовали приводимым им же фактам и дезинформировали И.В. Сталина. «Полагаю, – говорилось в записке Н.Г. Кузнецова, – что сведения являются ложными (так точно. – М. С.) и специально направлены по этому руслу (вполне возможно. – М. С.) с тем, чтобы проверить, как на это будет реагировать СССР...».*

Другой частью кампании дезинформации были настойчиво распространяемые в дипломатических, журналистских и военных кругах слухи о том, что Гитлер намерен предъявить Сталину какие-то новые, значительно более жесткие требования по поставкам сырья и продовольствия в Германию, вплоть до «аренды Украины и нефтепромыслов Баку». Концентрация немецких войск на востоке при этом трактовалась как инструмент психологического давления. Распространяя такие слухи, немецкие спецслужбы стремились внушить Сталину представление о том, что война начнется не внезапным сокрушительным ударом, а долгим периодом дипломатической напряженности, предъявлением «ультиматума» и т. п. Трудно сказать, как реагировал на эту дезинформацию сам Сталин. Это отдельная тема, далеко выходящая за рамки нашей книги. Лично у меня складывается впечатление, что слухи о предстоящих советско-германских переговорах распространялись в равной мере как немецкой, так и советской разведкой. Пока же отметим тот бесспорный факт, что «источники» советской разведки в Берлине систематически поставляли слухи о предстоящем «ультиматуме» в Москву.

Пора наконец назвать эти «источники». Не считая многочисленных журналистов, коммерсантов, адвокатов и сотрудников аккредитованных в Берлине дипломатических миссий, – такие «источники» по определению могли быть лишь носителями слухов, а не информации о конкретных оперативных планах немецкого командования – источников было ровно два:

– «источник в штабе германской авиации», он же «Старшина», он же обер-лейтенант Харро Шульце-Бойзен, офицер разведывательного отдела штаба люфтваффе;

– «источник в министерстве хозяйства Германии», он же «Корсиканец», он же Арвид Харнак, референт министерства экономики Германии.

Эти люди не были заброшенными в Германию «Штирлицами». Урожденные немцы из весьма привилегированных кругов (Х. Шульце-Бойзен был внучатым племянником адмирала Тирпица, женат на близкой родственнице князя Эйленбурга; доктор юриспруденции А. Харнак родился в семье известного ученого, его жена, доктор филологии, американка немецкого происхождения, была руководителем землячества американских женщин в Берлине), убежденные антифашисты и при этом сторонники коммунистических идей (в начале 30-х годов Шульце-Бойзен издавал антифашистский журнал «Противник» и после прихода Гитлера к власти оказался за решеткой; Харнак в 1932 г. создавал «Общество по изучению советского планового хозяйства») сами настойчиво искали контакта с советскими спецслужбами. Ежесекундно рискуя жизнью, они собирали и передавали в Москву любые крохи информации, какие им только удавалось найти. Но...

Но, как гласит замечательная французская поговорка, «даже самая красивая девушка не может дать больше, чем у нее есть». Обер-лейтенант Шульце-Бойзен не мог передать Сталину «секреты Гитлера» по той простой причине, что обер-лейтенанта к таким секретам и близко не допускали. В еще большей степени это относится к сотруднику министерства экономики Харнаку. Читая сегодня донесения «Старшины» и «Корсиканца», мы с горечью отмечаем, что мужественные антифашисты – отнюдь не по злему умыслу – стали фактически «ретрансляторами» умело изготовленной дезинформации германских спецслужб.

Так, 28 марта «Старшина» сообщил, что *«немецкое командование ведет подготовку клебщеобразного удара: из Румынии, с одной стороны, и через Прибалтику, а возможно, через Финляндию – с другой».*

14 апреля «Старшина» передает: *«Началу военных действий должен предшествовать ультиматум Советскому Союзу с предложением о присоединении к Пакту трех».*

9 мая в донесении «Старшины», наряду с неточной информацией (*«в разговорах среди офицеров штаба часто называется дата 20 мая как дата начала войны; другие полагают, что выступление намечено на июнь»*) снова повторяется явная дезинформация: *«Вначале Германия предъявит Советскому Союзу ультиматум с требованием более широкого экспорта в Германию и отказа от коммунистической пропаганды...»*

14 мая. *«Планы в отношении Советского Союза откладываются, немецкими руководящими инстанциями принимаются меры для сохранения их последующей разработки в полной тайне...»*

9 июня. *«На следующей неделе напряжение в русском вопросе достигнет наивысшей точки, и вопрос о войне окончательно будет решен. Германия предъявит СССР требование о предоставлении немцам хозяйственного руководства на Украине и об использовании советского военного флота против Англии...»*

Только 11 июня в сообщении «Старшины» появляется адекватная оценка ситуации: *«Вопрос о нападении на СССР решен. Будут ли предъявлены Сов. Союзу предварительные какие-либо требования – неизвестно. Следует считаться с неожиданным ударом».* Однако далее вновь повторяется старая дезинформационная версия замысла операции (*«германское командование будет стремиться путем обхода с севера из Восточной Пруссии и с юга из Румынии создать клещи, которые постепенно будут смыкаться в целях окружения Красной Армии»*).

Еще дальше (как в переносном, так и в прямом смысле этого слова) от сейфа с «секретами Гитлера» находился руководитель пресс-службы немецкого посольства в Токио, журналист Рихард Зорге (он же советский разведчик Рамзай). Странно, но эта азбучная истина пока еще не понята широкими массами российских историков и публицистов. И даже в июне 2006 г. печатаются, например, такие перлы: «В декабре 1940 г. Гитлер принял решение о нападении на СССР, и всего через две недели Зорге отправил в Москву копии соответствующих документов».

18 декабря 1940 г. Гитлер утвердил Директиву № 21 («план Барбаросса»). Директива начиналась такими словами: «Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию входе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии». Должны быть готовы. Далее было сказано: «Приказ о стратегическом развертывании вооруженных сил против Советского Союза я отдам **в случае необходимости** (подчеркнуто мной. – М. С.) за восемь недель до намеченного срока начала операций». Никаких конкретных сроков начала войны в «плане Барбаросса» установлено не было. Документ был отпечатан в девяти экземплярах, шесть из которых пролежали в сейфе Гитлера до конца войны, три были выданы главнокомандующим видами Вооруженных Сил.

Требования по соблюдению секретности были обычными для такого рода документов, т. е. исключительно жесткими. В последних строках Директивы № 21 было сказано: «Я ожидаю от господ главнокомандующих **устные** (подчеркнуто мной. – М. С.) доклады об их дальнейших намерениях, основанных на настоящей Директиве». Неужели же «господа главнокомандующие» докладывали Гитлеру устно, с глазу на глаз, а послу Германии в Токио (который вообще не имел ни малейшего отношения к разработке оперативных планов) слали письменные документы? И главное – зачем? Для удобства работы Рихарда Зорге? Не только в декабре 40-го, но и в последние дни и недели перед началом войны Рамзай не мог сообщить в Москву ничего более определенного, нежели пересказ циркулирующих в посольстве слухов:

21 мая 1941 г.:

«...Новые германские представители, прибывшие сюда из Берлина, заявляют, что война между Германией и СССР может начаться в конце мая, так как они получили приказ вернуться в Берлин к этому времени. Но они также заявили, что в этом году опасность может и миновать...»

1 июня 1941 г.:

«...Ожидание начала германо-советской войны около 15 июня базируется исключительно на информации, которую подполковник Шолл привез с собой из Берлина, откуда он выехал 6 мая в Бангкок. В Бангкоке он займет пост военного атташе... Шолл заявил, что наиболее сильный удар будет нанесен левым флангом германской армии...»

17 июня 1941 г.:

«...Германский курьер сказал военному атташе, что он убежден, что война против СССР задерживается, вероятно, до конца июня. Военный атташе не знает – будет война или нет...»

И чему же здесь «не поверил» Сталин? Единственным конкретным фактом здесь является информация о том, что некий немецкий подполковник 6 мая выехал в Бангкок...

Роковая дата начала вторжения (22 июня) была установлена Гитлером и доведена до сведения Верховного командования вермахта только 30 апреля 1941 г. До этого числа никакие «источники» в принципе не могли сообщить Сталину этот, самый главный, секрет Гитлера – просто потому, что сам Гитлер еще не знал о том, когда он начнет войну против СССР. Причем – и это исключительно важно отметить – 30 апреля вовсе не была пройдена «точка невозврата». Это сегодня мы знаем, что дата 22 июня стала днем реального начала войны. В мае 41-го все еще могло многократно измениться. Считается, что дату начала вторжения во Францию Гитлер переносил в общей сложности 9 раз...

23 мая германские железные дороги были переведены на режим «максимальных военных перевозок». Это очень важный «рубеж» в общем комплексе мероприятий по стратегическому развертыванию, и, насколько мне известно, он-то как раз и не был выявлен советской разведкой. Наконец, 10 июня Верховное главнокомандование вермахта довело до сведения командующих армиями следующее решение:

«1. Днем «Д» операции «Барбаросса» предлагается считать 22 июня.

2. В случае переноса этого срока соответствующее решение будет принято не позднее 18 июня. Данные о направлении главного удара будут в этом случае по-прежнему оставаться в тайне...»

Лишь 18 июня (через день после того, как Сталин наложил неприличную резолюцию на очередное донесение «Старшины») решение о начале вторжения в СССР и точная дата начала операции были доведены до сведения командиров тактического звена (до уровня командиров дивизий и полков). К сожалению, мне не известно ни одно донесение советской разведки, в котором бы был зафиксирован этот секрет, ставший 18 июня известным уже нескольким сотням офицеров вермахта. В 13–00 21 июня в немецкие войска, развернутые у западных границ СССР, поступил условный сигнал «Дортмунд». Он означал, что наступление, как и запланировано, начнется 22 июня и *«можно приступать к открытому выполнению приказов»*. С этого момента главную военную тайну Германии знали уже многие сотни тысяч человек, но советская разведка почему-то узнала об этом не от собственной агентуры, а от немецких перебежчиков, которые в ночь с 21 на 22 июня по собственной инициативе, движимые желанием помочь «родине пролетариев всего мира», явились в распоряжение советских войск.

Доподлинно известно имя ефрейтора, переплывшего р. Буг в районе Сокаль (Киевский округ), есть сообщения о рядовом, который переплыл Буг в районе Волчин (30 км к северо-западу от Бреста). Жуков в своих мемуарах говорит о фельдфебеле, который вечером 21 июня перешел границу на участке Киевского ОВО. Интересную информацию сообщил 22 июня 2006 г. в интервью агентству РИА-Новости генерал армии М.А. Гареев: *«Немцы, рискуя жизнью, переплыли реку Днестр (подчеркнуто мной. – М. С.) и сообщили нашему командованию, что германские войска будут переходить в наступление»*. Чего же мы хотим от разведки, если президент Академии военных наук, академик Российской Академии естественных наук, член-корреспондент Академии наук РФ, доктор военных наук, доктор исторических наук, профессор, бывший заместитель начальника Генерального штаба Советской армии по научной работе не знает, что в июне 41-го граница СССР ни в одной точке не соприкасалась с рекой Днестр?

В конечном итоге точную дату нападения советская разведка узнала лишь на рассвете 22 июня 1941 года. Разумеется, на все вышесказанное существует одно, но сокрушительное возражение: «Еще не настало время, когда можно рассказать ВСЕ». Возразить тут нечего. У разведки свои законы и правила, и если даже сейчас (эти строки пишутся в начале 2008 года), после ухода из жизни всех агентов, резидентов и «источников», после распада Варшавского договора и Советского Союза, после объединения Германии и вступления бывшей советской Прибалтики в НАТО все еще нельзя назвать поименно все «источники» советской разведки в военно-политическом руководстве гитлеровской Германии, нельзя достать из сейфа и опубликовать самые содержательные и достоверные разведывательные донесения – значит, так тому и быть. Но почему же в таком случае для бездоказательных измышлений о «роковом самообмане Сталина, который поверил Гитлеру, но не верил собственной разведке» время уже давно наступило и все еще никак не заканчивается?

Ну а судьба главных героев этой истории была трагической. Вокруг Шульце-Бойзена и Харнака сформировалась подпольная антифашистская организация, вошедшая в историю под названием «Красная капелла». Уже после разгрома организации гитлеровская контрразведка вынуждена была констатировать, что усилиями «Красной капеллы» в Москву была пере-

дана подробная информация о численном составе и вооружении люфтваффе, авиационном производстве Германии, дислокации штабов, производстве и запасах жидкого топлива. Вероятно, самым большим достижением «Красной капеллы» была информация о планах немецкого наступления на Сталинград летом 1942 г.

Непосредственной причиной провала стала вопиющая некомпетентность московского Центра. 10 октября 1941 года в одной из радиogramм, отправленных из Москвы в Берлин, были «прямым текстом» названы адреса трех конспиративных квартир. Разумеется, передача велась шифром, но в результате многомесячной работы группы лучших немецких математиков шифры были «взломаны». Шульце-Бойзена арестовали 30 августа, Харнака – 3 сентября 1942 г. После зверских пыток они были казнены в Берлине 22 декабря 1942 г. В общей сложности было арестовано более 80 человек, из них 49 – казнены, 25 человек приговорены к каторжным работам. 7 октября 1969 г. Х. Шульце-Бойзен, А. Харнак, И. Штёбе, А. Кукхоф были посмертно награждены орденами Красного Знамени.

Глава 4 «Сталин гнал прочь любую мысль о войне...»

Документальными данными об оперативных планах немецкого командования Генеральный штаб Красной Армии не располагал. Это есть факт. Но из этого факта отнюдь не следует вывод о том, что советская разведка бездействовала. Подвиг разведчика (и не одного, а многих сотен разведчиков) нашел свое конкретное воплощение в огромном объеме вполне достоверной информации. Информации о чем? О концентрации немецких войск у западных границ СССР, о перевозках вооружения, боеприпасов и горючего, о местах расположения штабов, аэродромов, узлов связи, складов и госпиталей. Из этих разрозненных фрагментов «мозаики» аналитические службы советской разведки смогли выстроить достаточно подробную картину развертывания вермахта. И если зимой – весной 1941 г. достоверность этой «картины» еще оставляла желать лучшего (данные о численности немецких войск значительно завышались – не занижались, как было модно писать в эпоху документальных сказок про «разведсводку № 8», а именно завышались), то к началу войны фактическая и выявленная советской разведкой численность группировки вермахта почти совпали.

Совпасть точно они не могли. И не только потому, что даже у самой лучшей разведки есть предел возможного. Немецкое командование маскировало свои намерения всеми доступными способами. В частности, главная ударная сила войск вторжения – танковые и моторизованные дивизии – начали передислокацию в приграничные с СССР районы лишь в самые последние дни перед началом наступления.

Так, например, пять танковых дивизий 1-й танковой группы были загружены в эшелоны в период с 6 по 16 июня и прибыли на станции разгрузки в южной Польше (Люблин – Сандомир – Жешув) лишь к 14–20 июня. Непосредственно в районы сосредоточения и развертывания три дивизии (13-я, 14-я и 11-я) вышли буквально в последние часы перед вторжением, а две другие дивизии (16 тд и 9 тд) вечером 21 июня еще находились на марше за 100–150 км от границы. Соответственно, советская войсковая разведка не могла выявить эти дивизии – просто потому, что еще за неделю до начала войны их в приграничной полосе не было.

С другой стороны, постоянное завышение данных о численности немецких войск у границ СССР по странной иронии судьбы как бы «компенсировало» все хитрости противника. В результате 31 мая 1941 г. Разведуправление Генштаба Красной Армии оценивало состав группировки вермахта в 94 пехотные, 1 кавалерийскую, 14 танковых и 13 моторизованных дивизий (кроме того, были «обнаружены» и несуществующие в реальности отдельные кавалерийские полки в количестве 25 штук). Фактически этих танковых и моторизованных дивизий 1 июня у границы еще не было, но к началу войны они появились, причем с некоторым «избытком» (реально в составе четырех танковых групп противник развернул 17 танковых и 13 моторизованных дивизий). Считается, что, узнав об этом, Сталин должен был потерять сон и аппетит, вырвать свои пышные усы и метаться, как загнанный зверь, по кремлевскому кабинету. Но ничего подобного Сталин не сделал. В ночь на 22 июня 1941 г. он спокойно спал.

Это у нас называется «Великая Тайна 22 июня». *«Почему Сталин, которому разведка доложила о концентрации такой огромной вражеской армии у границ СССР, не...»*. Дальше, после этого «не», шли разные слова. Слова эти зависели и от текущей политической моды, и от уровня некомпетентности писателя-говорителя. Обычно звучало что-нибудь вроде: *«не послушался Жукова»*, *«не разрешил привести войска в боевую готовность»*, *«не двинул войска к границе»*... На предельном уровне некомпетентности, достигнутом израильским товарищем Г. Городецким, Сталин, оказывается, *«гнал прочь любую мысль о войне»*.

Правильный ответ начинается с правильно сформулированного вопроса. Этому меня научили в славном Куйбышевском авиационном институте – за что, пользуясь моментом, я хочу еще раз поблагодарить наших преподавателей. Выразаться столь же афористично я пока

не научился, поэтому сформулирую свою мысль довольно длинной фразой: нежелание задавать правильный вопрос часто свидетельствует о нежелании (или боязни) услышать правильный ответ.

Нам с вами, уважаемый читатель, бояться нечего, поэтому попытаемся начать с главного – с возможно более точных вопросов. Так чего же все-таки не сделал Сталин? Чему (или кому) он не поверил? Что такое «боевая готовность»? Куда и какие войска надо было «двинуть»? И почему Сталин не должен был спокойно спать в ночь с 21 на 22 июня?

Начнем с последнего вопроса. Он самый простой, потому что оперирует категориями, известными (если и не из собственного опыта, то из рассказов друзей) каждому из нас. В ночь перед экзаменом не спит и лихорадочно листает учебники двоечник. Который весь семестр бездельничал и не ходил на лекции. Именно в качестве такого «двоечника» советская пропаганда – как это ни странно – пыталась изобразить Сталина, т. е. высшее военно-политическое руководство СССР.

Здесь мы опять встречаемся с примером того, как однажды совравшему приходится врать дальше и больше. Разумеется, если исходить из того, что Советский Союз был занят «мирным созидательным трудом», что промышленность «не была заблаговременно переведена на военные рельсы» (интересно, а по каким «рельсам» эта промышленность катилась раньше? что выпускали эти круглосуточно грохочущие заводы? велосипеды и швейные машинки, патефоны и холодильники для коммунальных кухонь?), что Германия создала за шесть лет (с 1935 по 1941 гг.) огромную, вооруженную до зубов армию, если поверить в то, что «на Гитлера работала вся Европа», а «второй фронт» был открыт только в 1944 году, – тогда да. Тогда невозможное спокойствие Сталина представляется чем-то совершенно невероятным. Но Сталин не был двоечником. И уже со второй половины 30-х годов он «гнал прочь любую мысль», если она не была связана с тем или иным аспектом подготовки к Большой Войне, к войне, в результате которой не жалкие клочки восточной Польши или Карельского перешейка, а вся Европа должна была упасть в его руки. Долгие годы он работал до поздней ночи (точнее говоря – до раннего утра), лично решая тысячи вопросов, связанных с созданием, оснащением, вооружением, обучением крупнейшей армии мира. Результат великих трудов был – весомый, грубый, зримый.

В его армии были сформированы 61 танковая и 31 моторизованная дивизии. Причем по своей структуре (один танковый и два мотострелковых полка) моторизованная дивизия Красной Армии соответствовала танковой дивизии вермахта, а по штатному числу танков – превосходила ее. Так что фактически в составе Красной Армии было 92 «танковые» (танковые по сути, а не по названию) дивизии.

В полосе от западной границы до Ленинграда и Москвы уже находились (не считая «сырые» дивизии формирующихся 17-го и 20-го мехкорпусов) 40 танковых и 20 моторизованных дивизий, на вооружении которых было 12 400 настоящих танков (не считая многих тысяч пулеметных танкеток), в том числе – более 1500 новейших, лучших в мире танков КВ и Т-34 с длинноствольными 76-мм пушками, полноценным противоснарядным бронированием и мощными дизельными моторами. Так кто же, Сталин или Гитлер, должен был не спать и метаться в истерику по кабинету? Кто из этих двух диктаторов должен был *«ожидать в случае войны скорого поражения, а для себя лично – гибели»*?

Разведка доложила Сталину о том, что у западных границ СССР сосредоточено 94 пехотные дивизии вермахта (фактически в составе групп армий «Север», «Центр» и «Юг», не считая резервов Верховного командования вермахта, было всего 84 пехотные дивизии). Это важная информация, но у самого Сталина на тот момент было 198 стрелковых дивизий.

13 июня первый заместитель начальника Генерального штаба РККА генерал-лейтенант Н. Ватутин положил на стол Сталина... нет, не очередной «секрет Гитлера», а справку «О развертывании Вооруженных Сил СССР на случай войны на Западе».

В составе четырех (Северного, Северо-Западного, Западного и Юго-Западного) фронтов планировалось развернуть 120 стрелковых дивизий. Еще 35 стрелковых дивизий включались в состав пяти армий резерва Главного Командования, развертываемых в полосе от западной границы до линии Брянск – Ржев. Итого 155 стрелковых дивизий против 94 немецких. И вот эта-то информация якобы привела Сталина в такое отчаяние, что он *«счел сопротивление бесполезным, оттого и не пытался ни грозить Гитлеру, ни изготавиться к бою»*.

Здесь нам необходимо уточнить один важный момент. Цифры, приведенные выше, «слишком велики» для того, чтобы катастрофический разгром Красной Армии можно было списать на «многократное численное превосходство» противника. Вероятно поэтому, наряду со множеством иных шулерских уловок, появилась – и размножилась в сотнях публикаций – вздорная выдумка о том, что советская стрелковая дивизия была якобы в два (или даже в три!) раза меньше немецкой пехотной.

Это чушь, такого в реальности не было, потому что не могло быть никогда. Дело в том, что ВСЕ армии мира пытались сформировать основную тактическую единицу сухопутных войск (дивизию) так, чтобы она по своему боевому потенциалу не уступала дивизии потенциального противника. Старались все. Получалось не у всех, и, например, польская или финская дивизия образца 1939 г. уступала «мировым лидерам» по ряду важных параметров (прежде всего – по артиллерии, автомобилям и тягачам). Дивизия Красной Армии, на вооружение которой с рассвета и до рассвета работала огромная страна, не уступала никому.

В апреле 1941 г. стрелковые дивизии Красной Армии были переведены на новое штатное расписание. Численность личного состава была на 16 % уменьшена и составляла теперь 14,5 тыс. человек против 16,5 тыс. в пехотной дивизии вермахта. Несколько большая численность немецкой пехотной дивизии означала лишь большее развитие тыловых и вспомогательных служб – по огневой же мощи стрелковая дивизия Красной Армии ничуть не уступала дивизии противника. По штатному расписанию апреля 1941 г. стрелковой дивизии Красной Армии полагалось 10,4 тыс. винтовок, 166 станковых и 392 ручных пулемета – в пехотной дивизии вермахта, соответственно, 11,5 тыс., 138 и 378. Причем накануне войны Красная Армия перевооружалась с «трехлинейки» на самозарядную винтовку Токарева (СВТ), что давало заметное преимущество над противником в плотности стрелкового огня. Важно отметить, что никаких проблем с обеспечением этих штатов не было – реально имевшимся в наличии стрелковым вооружением можно было укомплектовать не 198, а порядка 460–740 стрелковых дивизий.

Традиционно мощным было артиллерийское вооружение стрелковой дивизии Красной Армии.

Для сравнения приведем численность артсистем сопоставимых калибров и так называемый «вес суммарного залпа» артиллерии польской, французской и немецкой пехотной дивизии:

Страна	75 / 76-мм	100 / 105-мм	122-мм	150 / 152-мм	Вес залпа, кг	Число стволов
СССР	34	—	32	12	1395	78
Германия	20	36	—	18	1384	74
Франция	36	—	—	24	1183	60
Польша	30	15	—	3	531	48

Другим, чрезвычайно распространенным образцом «мозгоимения» было измышление о том, что вследствие «внезапного нападения» стрелковые дивизии Красной Армии встретили войну в составе 6–8 тыс. человек. Едва ли есть еще один факт в истории начала войны, который бы перевирали с такой силой и настойчивостью. Фактически еще 21 мая 1940 г. (это не опечатка – именно сорокового года) Постановлением Политбюро ЦК № 16/158 было решено содержать в мирное время стрелковые дивизии западных округов в следующей численности: 98 дивизий – по 12 и более тыс. человек и лишь 3 дивизии – по 9 тысяч. Через год, в мае – июне 1941 г. в ходе «больших учебных сборов» (БУС) было мобилизовано 802 тыс. чело-

век. *«При этом состав стрелковых дивизий приграничных округов при штатной численности 14 483 человека был доведен: 21 дивизии – до 14 тыс. человек, 72 дивизий – до 12 тыс. человек и 6 стрелковых дивизий – до 11 тыс. человек».* Это публично признали еще в 1992 г. авторы коллективного труда военных историков Генерального штаба «1941 год – уроки и выводы» (1992 г.), однако и по сей день знаменитая «утка» Г.К. Жукова (*«наши же дивизии, даже 8-тысячного состава, практически в два раза слабее немецких»*) продолжает с бодрым кряканьем порхать из одной публикации в другую...

Вернемся теперь к событиям весны 41-го года. Строго говоря, сегодня уже нет нужды гадать о том, что могло, а что не могло напугать (скажем мягче – вызвать крайнюю обеспокоенность) товарища Сталина. Есть рассекреченные и опубликованные документы высшего военно-политического руководства СССР. Что же мы в них видим? Разумеется, советская разведка непрерывно отслеживала ситуацию на фронтах европейской войны. Соответственно, каждый из известных документов стратегического планирования начинался с раздела, посвященного оценке возможного состава группировки войск противника (противников). Множественное число здесь будет более уместным, так как советское руководство неизменно включало в состав противников СССР на Западе наряду с Германией также Финляндию, Румынию, Венгрию и Италию (причем по вопросу о численности вооруженных сил союзников Германии высказывались совершенно фантастические предположения). Мы их не будем даже обсуждать и сосредоточим внимание на прогнозах предполагаемой численности одних лишь немецких войск.

Приведем данные из трех документов;

– 18 сентября 1940 г., «Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР»;

– 11 марта 1941 г., «Уточненный план стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР»;

– май 1941 г., «Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками».

Для удобства восприятия сведем всю информацию в одну таблицу и добавим в эту таблицу две очень важные строки: «Спецсообщение» Разведуправления ГШ от 31 мая 1941 г. и фактическую численность немецких групп армий «Север», «Центр» и «Юг».

	пд	тд	мл	танки
сентябрь 1940 г.	145	17	8	10 000
март 1941 г.	165	20	15	10 000
май 1941 г.	141	19	15	—
«Спецсообщение» от 31 мая 1941 г.	94	14	13	—
фактическая численность на 22 июня	84	17	13	3266

Прежде чем пойдем дальше – одно маленькое замечание. Надеюсь, вы уже обратили внимание на эти странные пропорции: фактическое число танковых дивизий вермахта оказалось чуть меньше ожидаемого (17 вместо 19–20), а танков в них оказалось в три раза меньше. Это не опечатка. Это, к сожалению, серьезная ошибка советской разведки, предполагавшей, что на вооружении одной танковой дивизии вермахта может быть до полутысячи танков...

Карл Маркс как-то сказал: «Одна цифра позволяет понять больше, нежели целые тома, полные риторической чепухи». Приведенная выше таблица дает предельно ясный ответ на вопрос о пресловутом «роковом самообмане» Сталина, который «отказывался верить донесениям разведки». Все было точно наоборот. Сталин как раз поверил донесениям разведки. Из этих донесений следовало, что сосредоточение немецких войск у границ Советского Союза НЕ ЗАКОНЧЕНО. Более того, донесения разведки вообще заставляли усомниться в том, что Гитлер сосредотачивает войска для вторжения в СССР. Почему? Дважды упомянутое выше

«Спецсообщение Разведывательного управления Генштаба» от 31 мая 1941 г. давало такую оценку существующего распределения сил вермахта:

- «Общеераспределение вооруженных сил Германии состоит в следующем:*
– *против Англии (на всех фронтах) 122–126 дивизий;*
– *против СССР 120–122 дивизии;*
– *резервов 44–48 дивизий».*

Из этих цифр (как мы теперь знаем, ошибочных – советская разведка крайне завысила численность «антианглийской» группировки вермахта) делался вполне логичный вывод:

«... Что касается фронта против Англии, то немецкое командование, имея уже в данное время необходимые силы для дальнейшего развития действий на Ближнем Востоке и против Египта (29 дивизий, считая Грецию с островом Крит, Италию и Африку), в то же время довольно быстро восстановило свою главную группировку на Западе, продолжая одновременно переброску в Норвегию, имея в перспективе осуществление главной операции против английских островов» (подчеркнуто мной. – М. С.).

Учитывая, что эта тема на протяжении многих десятилетий была эпицентром целенаправленного «мозгоимения», повторю еще раз главный вывод. Медленно и отчетливо. В начале июня 1941 г. Сталин не считал немецкое нападение в ближайшие дни возможным. И это не потому, что он поверил в подпись Риббентропа, не потому, что «впал в оцепенение и гнал прочь любую мысль о войне». Мнение Сталина основывалось на безупречно логичных выводах из той информации, которую ему предоставила разведка. Немецких войск у западных границ СССР было МАЛО.

Мало по сравнению с ожидаемой численностью группировки противника.

Мало по сравнению с общей численностью вооруженных сил Германии (в оценке этой «общей численности» советская разведка допустила грубейшую ошибку, завысив ее ровно в полтора раза).

Мало по сравнению с численностью Красной Армии.

Сталин не мог поверить в то, что такими МАЛЫМИ СИЛАМИ Гитлер рискнет напасть на могучий Советский Союз. Сталин не мог поверить в то, что Гитлер оценивает «несокрушимую и легендарную» Красную Армию ниже, чем армию 40-миллионной Франции (для вторжения в которую немецкое командование выделило 136 дивизий, т. е. 87 % от 156 имевшихся). В рассуждениях Сталина не было и тени «рокового самообмана». Сталин гордился своей логикой и рассуждал в данном случае абсолютно логично. Есть простые и незыблемые аксиомы военного дела. *«Фокус – хорошее дело – хитрость, смекалка и прочее. Но на фокусе прожить невозможно. Раз обманул – зашел в тыл, второй раз обманул, а третий раз не обманешь. Не может армия отыгаться на одних фокусах, она должна быть армией настоящей».* Это не я придумал. Это цитата из речи Сталина на апрельском (1940 г.) Совещании высшего командного состава Красной Армии.

Для наступления на огромном фронте от Черного до Балтийского моря и на огромную глубину, по меньшей мере на 1000 км от Бреста до Москвы – нужно иметь превосходство в численности, в огневой мощи, в танках и авиации. Но у вермахта и люфтваффе не было «стандартного» по военной науке трехкратного превосходства. У них не было даже минимального численного превосходства. Более того – наступающие (немцы) в разы уступали в численности обороняющимся. Причем самым неблагоприятным для немцев было соотношение главных инструментов наступления – танков и авиации. Так наступать нельзя, это противоречит всякому здравому смыслу, а у Сталина не было оснований считать своего берлинского конкурента полным идиотом. Здравая логика, опыт двух предыдущих лет войны говорили за то, что целью летней кампании Гитлера будет разгром Англии, а сосредоточение значительных сил сухопутных войск Германии на Востоке имеет своей задачей прикрыть стратегический тыл Германии от возможных «сюрпризов» Сталина.

И если бы советская разведка положила на стол Сталина «план Барбаросса», то он бы написал на этом донесении такие слова, какие я просто не решаюсь произнести. Вот первая фраза этого «плана», прочитайте ее внимательно, постарайтесь вдуматься в эти слова: *«Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии»*. И далее: *«Конечной целью операции является создание заградительного барьера против азиатской России по общей линии Волга – Архангельск»*.

К какой «матери» должен был послать Сталин авторов такого донесения? Разбить Советскую Россию «в ходе кратковременной кампании»? Разбить Францию в ходе кратковременной кампании Гитлеру и то не удалось. Подписанное 24 июня 1940 г. в Компьене «Соглашение о перемирии» (упорно называемое в отечественной литературе «капитуляцией») оставило за Францией все признаки суверенного государства (правительство, территорию, дипломатический корпус, армию, авиацию и флот), оставило за Францией все ее колоссальные заморские владения. И это, заметьте, при том, что от границы с Германией до Парижа – всего 200 км. А от западной границы СССР до «общей линии Волга – Архангельск» – 2000 км. Сколько времени нужно для того, чтобы просто пройти пешком (а вермахт состоял главным образом из пехоты и артиллерии на конной тяге) эти две тысячи километров? Даже для «триумфального марша» на такое расстояние (с короткими остановками на церемонии вручения хлеб-соли и цветов от ликующего населения) потребовалось бы три-четыре месяца. А если при этом еще и придется воевать?

А чего стоит идея ввязаться в войну с советским гигантом *«еще до того, как будет закончена война против Англии»!* Где тут логика, где малейшие следы здравого смысла? Повоевать с Англией Гитлер уже попробовал. 86 авиагрупп, 3067 самолетов (т. е. группировка – больше той, что была сосредоточена 22 июня у советских границ) начали 13 августа 1940 г. грандиозную воздушную битву, вошедшую в историю под названием «битва за Британию». Командование Королевских ВВС могло противопоставить немецкой воздушной армаде 49 эскадрилий истребителей, на вооружении которых было 704 самолета. При таком исходном соотношении численности немцы проиграли. Уже к середине сентября 1940 г. огромные потери вынудили немецкое командование отказаться от массированных дневных налетов. Высадку на Британские острова пришлось отложить на «неопределенный срок». К концу 1940 г. общее соотношение потерь самолетов составляло 1 к 2 в пользу англичан. И вот, имея такой опыт, Гитлер решил МЕНЬШИМИ силами разгромить «по-быстрому» советские ВВС, превосходившие англичан по числу истребителей в 6 раз? Ну, это же все равно, что, потерпев поражение в бою с боксером второго юношеского разряда, сходить подраться с чемпионом мира в тяжелом весе...

Сталин рассуждал абсолютно логично – и ошибся во всем. Но, как сказал по другому поводу и про другого человека (Льва Троцкого) сам Ленин, «это едва ли может быть поставлено ему в вину лично». Трудно было не ошибиться. Сталин не смог предугадать, предусмотреть, поверить в то, что его огромная, оснащенная лучшим в мире вооружением армия – это всего лишь вооруженная толпа будущих дезертиров и военнопленных. Он не подумал о том, что тысячи танков и самолетов, десятки тысяч орудий, миллионы винтовок будут брошены на обочинах дорог панически бегущими толпами бывших красноармейцев. Но не будем слишком строго судить товарища Сталина за эту ошибку. Ведь вы, уважаемый читатель, даже сегодня, даже «задним умом», даже после всего, что было рассекречено и опубликовано в последние годы, что было рассказано немногими дожившими до эпохи свободы слова и печати очевидцами событий, не хотите поверить и признать этот реально состоявшийся ФАКТ. Стоит ли удивляться тому, что Сталин не смог сделать столь ошеломляющий прогноз?

Правды ради надо отметить и то, что Сталину потребовалось всего лишь семь дней для того, чтобы понять главную причину неслыханного разгрома. Может быть, он потому так быстро и правильно понял смысл происходящего, что его «университетами» была не кафедра

научного коммунизма советского вуза, а подпольная работа в подрывной организации, которая один раз уже развалила русскую армию во время мировой войны. Товарищ Сталин конкретно знал, как рушатся империи и исчезают многомиллионные армии. Да, открывшаяся в этот момент истина оказалась непомерно тяжелой даже для этого «человека из стали». В ночь с 28 на 29 июня Сталин уехал на дачу, где и провел в состоянии полной прострации два дня (29 и 30 июня), не отвечая на телефонные звонки и ни с кем не встречаясь. Но до этих двух страшных дней Сталин упорно работал.

Вот тут-то мы и переходим к следующему вопросу: «Что делал и чего не сделал Сталин в июне 1941 года?» В яркой и эмоциональной форме, с неизбежными в таком случае публицистическими перехлестами, на этот вопрос ответил Виктор Суворов в своих ставших мировым бестселлером книгах «Ледокол», «День-М», «Последняя республика». Очень подробно, сухо и педантично картину стратегического развертывания Красной Армии для вторжения в Европу описал кандидат (ныне – доктор) исторических наук (нет правил без исключения, и мне особо приятно обратить ваше внимание на таких редкостных докторов) М.И. Мельтюхов в монографии «Упущенный шанс Сталина». Интересные и содержательные работы на эту тему написали П. Бобылев, В. Данилов, Й. Гофман, В. Невежин... Да и я как-то описал эти события на 510 страницах в книге «23 июня – «день М». Кому интересно – можете прочитать все перечисленное.

Пересказывать торопливой скороговоркой собственную книгу я не хочу. Отмечу лишь один интересный документ, который я имел удовольствие держать в своих руках. 4 июня 1941 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение *«утвердить создание в составе Красной Армии одной стрелковой дивизии, укомплектованной личным составом польской национальности и знающим польский язык»*. Срок исполнения – 1 июля 1941 г. (РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 35, л. 13) К чему бы это? Зачем Сталину понадобилась к 1 июля 1941 г. дивизия, говорящая на польском языке? Неужели настолько оскудела русская земля богатырями, что для обороны нерушимых границ СССР срочно потребовались поляки? Аналогичный случай имел место 11 ноября 1939 года. Тогда, за 20 дней до запланированного начала «освобождения» Финляндии, было принято решение о формировании 106-й стрелковой дивизии, личный состав которой набирался исключительно из лиц, владеющих финским или карельским языком...

Забавно, но спорить и доказывать очевидную (т. е. видимую невооруженным глазом, если этот глаз смотрит на карту перемещений и дислокации советских войск) наступательную направленность стратегического развертывания Красной Армии пришлось только после выхода в свет суворовского «Ледокола». До этого советские историки совершенно спокойно констатировали, что *«замысел на стратегическое развертывание и построение оперативных группировок войск в большей мере отражал наступательные цели... на расположение позиций и войск оказал влияние наступательный характер планируемых стратегических действий... переброска войск была спланирована с расчетом завершения сосредоточения в районах, намечаемых оперативными планами, с 1 июня по 10 июля...»*.

«Переброска войск была спланирована с расчетом завершения сосредоточения в районах, намечаемых оперативными планами, с 1 июня по 10 июля 1941 г.». Уже за одну эту фразу авторов коллективной монографии «1941 год – уроки и выводы» (из нее и были взяты процитированные выше слова) следовало тогда же, в 1992 году, наградить медалью «За отвагу». Коротко и четко они ответили на сакраментальный вопрос о причинах пресловутой «неготовности».

Командование Красной Армии действовало по своим собственным НАСТУПАТЕЛЬНЫМ планам, реализовывало свой собственный график развертывания, при составлении которого немецкое вторжение не предполагалось. Да, к утру 22 июня 1941 г. построение оперативных группировок не было завершено. Но стратегическое развертывание реально началось, оно

шло со все нарастающим темпом и размахом. Срок его завершения был привязан не к 22 июня, а к другой дате. К одному из дней июля 1941 года, точно установить который при имеющейся в распоряжении историков источниковой базе пока не представляется возможным.

Для тех, у кого слова «стратегическая передислокация» вызывают произвольную зевоту, готов пересказать краткое содержание этой главы еще проще.

В шесть часов вечера 31 декабря любого года в любой семье наблюдается вопиющая «неготовность». Котлеты прыгают и шипят на сковороде, из духовки валит дым пригоревшего пирога, хозяйка дома в мятом халате лихорадочно размешивает салат «оливье» в тазике. Значит ли это, что никто в доме не готовится к встрече Нового года? Да ничего подобного, как раз наоборот – очень активно готовятся. Но еще НЕ приготовились. К 12 часам, к заранее запланированному моменту вскрытия шампанского, все будет в полном ажуре: салат «оливье» передислоцируется из тазика в хрустальную салатницу, котлеты и гарнир соединятся в одной точке, и лучшая подруга хозяйки дома, в вечернем платье с двумя смелыми вырезами, будет мило кокетничать с ее мужем. Все пойдет точно по намеченному плану – если только в семь вечера в дом не ворвутся незваные гости...

Глава 5 Глобальный конец

Думаю, вы читали «Чонкина». Если еще нет – настоятельно рекомендую. Есть там такой забавный эпизод: капитан НКВД товарищ Миляга по странному стечению невероятных обстоятельств попал в плен к красноармейцам. По причине контузии (ему врезали прикладом по голове) Миляга не сразу понял, куда он попал, и поэтому начал на ломаном русском языке давать показания о том, что он есть сотрудник русского гестапо и много стрелять-убивать коммунистов унд комсомольцев (последнее заявление было чистой правдой). Ярость благородная вскипела как волна, и советские бойцы решили прикончить гнусного фашистского выкорыща. Когда до Миляги наконец дошло, что власть в деревне еще не сменилась, он начал было менять свои показания, начал объяснять, что он не тварь дрожащая, а сотрудник учреждения, которое право имеет... И все было бы хорошо, если бы не заорал капитан Миляга сдуру: «Да здравствует товарищ Гитлер!» Эти слова стали последними в жизни славного чекиста...

К чему это я? А вот к чему. В августе 1991 г. произошли в нашей стране большие события. И многим тогда показалось, что власть сменилась. По этой ли, или по какой иной причине, но в самом начале 1992 г. «Военно-исторический журнал» (а это, к вашему сведению, официальный печатный орган Министерства обороны, а не какой-нибудь эмигрантский листок «литературных власовцев») опубликовал те самые, многократно выше упомянутые «Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками» от мая 1941 года. Ошеломленная публика прочитала, в частности, такие соображения:

«...Считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий Германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск.

Первой стратегической целью действий войск Красной Армии поставить – разгром главных сил немецкой армии, развертываемых южнее Демблин, и выход к 30 дню операции на фронт Остроленка, р. Нарев, Лович, Лодзь, Крейцбург, Оппельн, Оломоуц (города в Польше и Чехии на расстоянии в 300–350 км к западу от границы СССР. – М. С.). Последующей стратегической целью иметь: наступлением из района Катовице в северном или северо-западном направлении разгромить крупные силы Центра и Северного крыла германского фронта и овладеть территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии...»

Соображения абсолютно здравые – с какой стати отдавать «инициативу действий» противнику? Для чего еще создавались 61 танковая и 31 моторизованная дивизии, если не для проведения крупных наступательных операций? Но для человека, прошедшего несколько месяцев в невесомости, нормальное для всего живого земное тяготение становится невыносимой мукой, и бледных, теряющих сознание космонавтов на руках выносят из спускаемого аппарата... Так и для советских/российских читателей, с детского сада воспитанных на сказках про «доброго дедушку Ильича» и «неизменно миролюбивую внешнюю политику Советского Союза», нормальная правда о том, что волки не едят капусту, оказалась тяжелым нервным потрясением.

Пока публика ужасалась, удивлялась, восхищалась, время шло и дошло наконец до того, что всем стало ясно – власть не сменилась (да и куда она, родимая, от нас, а мы от нее?) и пора снова кричать: «Да здравствует товарищ Сталин!» К слову говоря, я совершенно не понимаю, почему нельзя было кричать «да здравствует товарищ Сталин», размахивая майскими (1941 г.) «Соображениями»? Не понимаю. Что плохого в том, что товарищ Сталин, оказываясь, замыслил врезать топором по затылку «товарищу Гитлеру»? Что в этом зазорного? Да наши генералы из Института военной истории должны были на руках носить Виктора Суворова

за то, что тот изобразил их усатого кумира в виде хищного зверя (каковым Сталин и был в действительности), а не растерявшейся, перепуганной институтки... Но не срослось что-то где-то, и команда «кругом» так и не прозвучала. А это значит, что все виновные в публикации документов, порочащих неизменно миролюбивую политику СССР, должны «за базар ответить».

Вот они и начали отвечать.

Первым делом ветераны советской пропагандистской «науки» объяснили всем, кто еще способен их слушать, что майские «Соображения» – это всего лишь черновой набросок, эдакий «шахматный этюд», составленный (на 15 листах, с четырьмя приложениями и семью картами) генералом Василевским от скуки, в свободное от его основной работы заместителя начальника Оперативного управления Генштаба Красной Армии время. Гипотеза, конечно, смелая, однако абсолютно несовместная с мнением о предназначении документа самих его составителей, которые в последних строках пишут:

«... Прошу:

1. Утвердить представляемый план стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР и план намечаемых боевых действий на случай войны с Германией.

2. Своевременно разрешить последовательное проведение скрытого от мобилизации и скрытого сосредоточения, в первую очередь – всех армий резерва Главного Командования и авиации...»

То есть, по мнению военных (конкретно к документу имели отношение ровно четыре человека: Василевский – его рукой написан текст, первый заместитель начальника Генштаба Ватутин – его рукой предположительно внесены правки в текст, начальник Генштаба Жуков и нарком обороны Тимошенко), они представили Сталину на утверждение «план намечаемых боевых действий», а вовсе не ученический реферат.

Затем началась «атака с тыла». На оригинале документа, действительно, нет никакой резолюции Сталина. Согласитесь, это уже открывает некое «окно возможностей» для того, чтобы избавиться от столь неудобных «Соображений». В кустах был немедленно найден рояль. То есть видный советский военный историк Н.А. Светлишин неожиданно вспомнил, что еще в 1965 году Г.К. Жуков рассказывал ему и про майские «Соображения», и про реакцию Сталина на них. 27 лет Светлишин молчал как рыба, нигде не публиковал эти воспоминания Жукова, не записал их в свою секретную тетрадь, не сдал ее, как положено, в секретные фонды ЦАМО... Но в нужный момент все вспомнил.

Оказывается, Жуков (в пересказе товарища Светлишина) отдал Особой важности совершенно секретный документ (с надписью в правом верхнем углу: «Только лично. Экземпляр единственный») не тому, кому этот документ был лично адресован, а сталинскому секретарю Поскребышеву. Отдал – и ушел.

Для тех, кто не понял, поясняю – это трибунал. Как минимум. Как максимум – «вышка». Отдать постороннему лицу документ Особой важности кадровый военный не мог. До этого мог додуматься только советский военный историк. На тот момент в Красной Армии действовала утвержденная наркомом Тимошенко Инструкция о порядке составления и хранения документов Особой важности. Это брошюра на 15 страницах. В частности, такие документы должны были быть написаны лично от руки «на твердой подложке, не оставляющей оттиска от пера», все черновики и промокательная бумага должны были уничтожаться по акту, документ должен был храниться в опечатанном сейфе, находящемся в комнате с опечатываемой же железной дверью и стальными решетками на окнах. Инструкция прямо запрещала передавать документы Особой важности даже старшим по званию и должности – только лично в руки тому, кому конкретный документ был адресован.

Но это еще не финал комедии. Далее Светлишин (от лица покойного Жукова) рассказывает о том, что на следующий день Поскребышев от имени и по поручению Хозяина отругал начальника Генерального штаба, причем этот выговор и приказ «впредь таких «записок для

прокурора» не писать» Жуков выслушал прямо в приемной Сталина (возможно – в присутствии третьих лиц). Самое смешное во всей этой истории то, что Светлишин даже не подумал о существовании рассекреченного и опубликованного еще в 1990 г. «Журнала посещений» кабинета Сталина. Из этого документа явствует, что у Жукова и Тимошенко не было никаких проблем с тем, чтобы передать документ лично Сталину. На основании «Журнала посещений» можно даже предположить (не утверждать, но вполне обоснованно предположить), когда это произошло.

10, 12 и 14 мая Тимошенко и Жуков были в кабинете Сталина, причем встречи продолжались 1,5–2 часа. На этих совещаниях военные могли получить указания, на основании которых они вели работу над «планом намечаемых боевых действий». Майские «Соображения» содержат сведения из разведсводки от 15 мая, именно поэтому их и датируют «не ранее 15 мая». 19 мая Сталин и Молотов (на тот момент – заместитель Сталина на посту Председателя Совнаркома и фактически «второй человек» в стране) приняли Тимошенко и Жукова. Через 15 минут в кабинет вошел еще один из разработчиков плана – Ватутин. Совещание продолжалось полтора часа, все четверо покинули кабинет Сталина одновременно.

24 мая в кабинете Сталина состоялось многочасовое совещание, участниками которого, кроме самого Сталина, были Молотов, Тимошенко, Жуков, Ватутин, начальник Главного управления ВВС Красной Армии Жигарев, командующие войсками пяти западных военных округов, члены Военных советов (т. е. комиссары) и командующие ВВС пяти округов. Другого столь же представительного совещания высшего состава Красной Армии в кабинете Сталина не было – ни за несколько месяцев до 24 мая, ни после этого дня вплоть до начала войны. С очень большой долей достоверности можно предположить, что на этом, явно неординарном совещании утвержденный Сталиным план войны был доведен до сведения командования западных округов (будущих фронтов).

Еще одним, косвенным, но очень, на мой взгляд, убедительным подтверждением того, что на совещании 24 мая 1941 г. план будущей войны – причем войны отнюдь не оборонительной – был окончательно отработан и доведен до сведения исполнителей, является абсолютная завеса секретности, которой окутана тайна этого совещания. В советскую эпоху ни одно упоминание хотя бы о факте его проведения – не говоря уже о стенограмме обсуждения – ни разу не появилось ни в так называемой научной, ни в мемуарной литературе. Да и по сей день документально ничего не известно ни о повестке дня, ни о принятых решениях. Что очень странно, учитывая огромное количество «антисуворовской» литературы, изданной за последние 10 лет. Чего тут только нет: «миф ледокола», «ледокол лжи», «шулер от истории», «антиСуворов», «как Суворов выдумывал историю», «неправда Виктора Суворова»... Некий проходимец, взявший себе псевдоним «В. Суворов», выпустил в свет пасквиль под названием «Ледокол-2». Хотя, казалось бы, чего проще – опубликуйте материалы совещания 24 мая 1941 г., и все окончательно убедятся в неизменно миролюбивой политике Сталина...

Последние сомнения в том, что майские «Соображения» являются одним из многих документов практической разработки плана вторжения в Европу, а вовсе не теоретическим упражнением, пропали после того, как в первой половине 90-х годов были опубликованы другие аналогичные документы. На сегодняшний момент в распоряжении историков имеется четыре варианта общего плана стратегического развертывания Красной Армии (август, сентябрь, октябрь 1940 г. и март 1941 г.) и материалы по оперативным планам двух важнейших фронтов («Докладная записка по решению Военного Совета Юго-Западного фронта по плану развертывания на 1940 г.», декабрь 1940 г. и «Директива наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной Армии командующему войсками Западного ОБО на разработку плана оперативного развертывания войск округа», апрель 1941 г.). К документам, фактически раскрывающим оперативные планы советского командования, следует отнести и материалы январских (1941 г.) оперативно-стратегических игр, проведенных высшим командным соста-

вом РККА. К такому выводу нас подводит не только простая житейская логика, но и опубликованная лишь в 1992 г. статья маршала А.М. Василевского, который прямо указывает на то, что *«в январе 1941 г., когда близость войны уже чувствовалась вполне отчетливо, основные моменты оперативного плана были проверены на стратегической военной игре с участием высшего командного состава вооруженных сил»*.

И что же мы видим? Все известные ныне оперативные планы представляют собой фактически один и тот же документ, лишь незначительно меняющийся от одного варианта к другому. Имеет место не только смысловое, но и явное текстуальное совпадение всех вариантов Большого Плана. Все планы без исключения представляют собой план крупномасштабной наступательной операции, проводимой за пределами государственных границ СССР. Боевые действия на собственной территории не рассматривались даже как один из сценариев для штабной игры. Вся топонимика театра предполагаемых военных действий представляет собой наименования польских, румынских, словацких и восточнопрусских городов и рек.

Таковыми были планы. Посмотрим теперь на факты. Стоит лишь нанести на географическую карту то расположение войск западных округов, которое создавалось в ходе скрытого оперативного развертывания, как совершенно очевидным становится *«наступательный характер планируемых стратегических действий»*. Благодаря предусмотрительно вырисованной в сентябре 1939 г. (и подписанной Сталиным лично в двух местах) *«линии разграничения государственных интересов СССР и Германии на территории бывшего Польского государства»* новая граница имела два глубоких (на 150–170 км) выступа, обращенных «острием» на Запад. Белостокский выступ в Западной Белоруссии и львовский выступ в Западной Украине. Двум выступам неизбежно сопутствуют четыре «впадины». С севера на юг эти «впадины» у оснований выступов находились в районах городов Гродно, Брест, Владимир-Волынский, Черновцы.

Если бы Красная Армия собиралась встать в оборону, то на «остриях выступов» должны были остаться самые минимальные силы прикрытия, а основные оборонительные группировки были бы выстроены у оснований, во «впадинах». Такое построение позволяет гарантированно избежать окружения своих войск на территории выступов, сократить общую протяженность фронта обороны (длина основания треугольника всегда короче суммы двух других сторон) и создать наибольшую оперативную плотность на наиболее вероятных направлениях наступления противника, т. е. у «впадин». В июне 1941 г. все было сделано точно наоборот.

Главной ударной силой Красной Армии были механизированные (танковые) корпуса. Крайняя спешка и разновременность начала их формирования привели к тому, что оснащены боевой техникой они были очень неравномерно. В большей части корпусов танков «новых типов» (Т-34, КВ) не было вовсе, некоторые мехкорпуса имели всего по 100–200 (в Красной Армии про две сотни танков говорили «всего») танков БТ-2/БТ-5 выпуска 1932–1934 гг., с почти выработанным моторесурсом. На этом фоне очень четко выделяются «пять богатырей», пять мехкорпусов, на вооружении которых обнаруживается от 700 до 1000 танков, в том числе более 100 новейших танков Т-34 и КВ, сотни тракторов (тягачей), несколько тысяч автомобилей и мотоциклов. Это (перечисляя с севера на юг) 3-й МК, 6-й МК, 15-й МК, 4-й МК и 8-й МК. Даже среди этих, лучших из лучших, заметны 6-й и 4-й мехкорпуса. На их вооружении было, соответственно, 452 и 414 новейших танков – больше, чем во всех остальных мехкорпусах Красной Армии вместе взятых!

Где же стояли эти «богатыри»? 4-й МК развертывался в районе Львова – на острие львовского выступа. Рядом с ним, немного южнее, дислоцировался 8-й МК, восточнее Львова находился 15-й МК. Еще не сделав ни одного выстрела, ударная группировка в составе трех мехкорпусов нависала над флангом и тылом немецких войск, зажатых в междуречье Вислы и Буга. За два дня до начала войны все три дивизии 4-й МК начали движение на запад, к самой границе. Утром 22 июня к пограничной реке Сан выдвинулся и 8-й МК. Но, пожалуй, самым показательным был выбор места дислокации 6-й МК, который спрятали среди дремучих лесов

и бездонных болот у Белостока. Выехать своим ходом из Белостока корпус мог только в одну сторону – по шоссе на Варшаву, до которой от границы оставалось тогда (после войны Сталину пришлось вернуть Белостокское воеводство Польше) всего 80 км.

Не менее примечательно было и место дислокации 3-го МК. Этот корпус был подчинен 11-й армии, развернутой на юге Литвы, на стыке Северо-Западного и Западного фронтов. Линия границы в районе этого стыка имела вид длинного и узкого «языка», который от польского города Сувалки вдавался в глубь советской территории в районе г. Гродно. Само очертание границы у Гродно внушало большие опасения (еще большие опасения должны были вызвать 4 танковые и 3 моторизованные дивизии вермахта, развертывающиеся на этом «пяточке»). Тем не менее 3-й МК оказался значительно севернее Гродно, даже севернее Каунаса, отделенный от «сувалкского плацдарма» полноводным Неманом. Странное решение для отражения весьма вероятного удара противника от Сувалки на Гродно, зато очень понятное и рациональное для наступления на Тильзит и далее к балтийскому побережью Восточной Пруссии.

Аналогичным образом (главные силы – на обращенном к противнику «острие выступа», значительно более слабые – у оснований) были распределены и отдельные полки тяжелой артиллерии. В составе 3-й армии, прикрывавшей гродненское направление, было всего два отдельных арtpолка (152-й и 444-й), а в составе 10-й армии (острие белостокского выступа) – семь (130-й, 156-й, 262-й, 315-й, 311-й, 124-й, 375-й).

Вы думаете, уважаемый читатель, что после рассекречивания таких документов и фактов ОНИ посыпали головы пеплом, смиренно признались в своем многолетнем наглom «мозгоимении» и ушли в монастырь? Щас...

В 1996 году все тот же «Военно-исторический журнал» опубликовал в пяти номерах серию статей под общим заголовком «Конец глобальной лжи». Самое забавное, что одним из двух авторов публикации был тот самый Ю.А. Горьков, который в начале 1992 года опубликовал майские «Соображения». Иезуитская логика заказчиков публикации понятна: «мы тебя за язык не тянули, сам заварил эту кашу – сам ее теперь и расхлебывай». Только столь жесткой постановкой задачи я могу объяснить то решительное бесстыдство, какое проявили авторы «Конца...», попытавшиеся всучить публике козу под названием и по цене коровы. Впрочем, учитывая, что в вопросах военно-стратегического планирования широкая публика разбирается еще меньше, чем в животноводстве, определенный фурор «глобальная ложь» произвела. Еще бы! Были предъявлены насквозь (ну, почти насквозь) оборонительные планы, и почти все боевые действия планируются на своей территории, и топонимика уже нашенская...

Не буду вас долго интриговать, тем более – на пустом месте. Главным содержанием «Конца глобальной лжи» была публикация пяти (по числу западных военных округов) документов. Этими документами были Планы прикрытия отомобилизования, сосредоточения и развертывания войск округов. Пользуясь тем, что далеко не все читатели (хотя, между нами говоря, у читателей ВИЖа следовало бы ожидать наличия некоторой компетентности) понимают значение специфических военных терминов, авторы «глобальной лжи» попытались выдать план операции прикрытия, т. е. план сугубо частной, ограниченной по времени и задачам операции, за счастливо найденный ими «план войны», каковой план оказался сугубо оборонительным. Вот, собственно, и весь конец. Чисто технологически жульнический трюк был построен на непрерывной подмене понятий: план прикрытия отомобилизования, сосредоточения и развертывания превращается в «план прикрытия границы» (что уже есть грубая неточность), затем – в «план обороны границы», затем – просто в «план обороны». Что и требовалось доказать.

Строго говоря, даже самый далекий от военного дела читатель мог бы самостоятельно прийти к незатейливой мысли: если весь оперативный план исчерпывается одним только при-

крытием мобилизации и развертывания, то зачем же тогда проводится это крайне дорогостоящее развертывание? Неужели только для того, чтобы создать лишние проблемы с его прикрытием? Но, учитывая, что мыслить самостоятельно советского человека тщательно отучили, а человека российского реклама уже приучила не мыслить, а «управлять мечтой», имеет смысл подробнее разобраться в содержании термина «операция прикрытия мобилизации, сосредоточения и развертывания».

В переводе на нормальный человеческий язык «отмобилизование, сосредоточение и развертывание» означает следующее:

- предназначенные для участия в войне части и соединения надо пополнить людьми (резервистами, которые в мирное время заняты созидательным трудом и ждут своего часа), вспомогательной техникой (схема мобилизации Красной Армии предполагала изъятие из народного хозяйства сотен тысяч автомобилей и десятков тысяч тракторов), боеприпасами, горючим, продовольствием и медикаментами из мобилизационных запасов.

- отмобилизованные части (люди, техника, боеприпасы и прочее) надо переместить в установленные планом развертывания места; для одних частей это означает пеший марш на 50 км, для других – железнодорожную перевозку на 5000 км.

- прибывшие на театр будущих военных действий войска нужно определенным образом разместить: танковый полк спрятать в глухом лесу, полк тяжелой артиллерии вывести на огневую позицию, противотанковый дивизион замаскировать рядом с перекрестком шоссе-ных дорог, десантников привезти на аэродром погрузки, пехоту посадить в заранее вырытые окопы и траншеи и т.д.

Только после того, как все это (отмобилизование, сосредоточение, развертывание) сделано, самый главный начальник может снять самую главную телефонную трубку и прохрипеть в нее: «Начали!» На самом же этапе сосредоточения и развертывания войска на редкость беззащитны. По сути дела, процесс сосредоточения и по форме, и по содержанию схож с известным, наверное, каждому переездом из одной квартиры в другую. Через пару недель после переезда жизнь войдет в свою колею и, как все надеются, станет лучше, чем была на прежнем месте. Но это будет потом. В сам короткий момент переезда даже такое простое дело, как найти нитку, иголку и пуговицу нужного размера, превращается в неразрешимую проблему. Та же ситуация создается и при передислокации войск. Танковая дивизия (370 танков, 11 тыс. человек личного состава), развернутая в боевой порядок, представляет собой страшную силу. Эта же дивизия, погруженная в забитые фанерой для маскировки вагоны, становится беспомощной, как младенец. Хуже того, она превращается в удобную мишень для противника. Соответственно, для того чтобы короткий период сбора резервистов, переезда и оперативного развертывания войск не стал для них последним, необходимо проведение целого комплекса специальных мероприятий, который на военном языке называется «операция прикрытия мобилизации и развертывания».

Эта операция по определению является оборонительной и кратковременной. Объектом прикрытия является не страна, не линия границы, «не мирный труд советского народа», а процесс – весьма непродолжительный процесс мобилизации, сосредоточения и развертывания. От частей и соединений, решающих задачу прикрытия, требуется в течение нескольких дней сдерживать наступление противника, не допустить прорыва крупных моторизованных частей противника в оперативную глубину, прикрыть с воздуха районы выгрузки войск, железнодорожные станции и перегоны. Вот и все. Не меньше, но и не больше. На этапе прикрытия от линии пограничных столбов можно и отступить. Не это главное. Отмобилизованная и развернутая в боевые порядки армия через несколько дней вернет все столбы на свое место.

Самым эффективным и одновременно самым дешевым способом решения задачи прикрытия является выбор противника настолько слабого, что он просто не рискнет произвести первый выстрел и нарушить тем самым плановый ход развертывания ваших войск. Это воз-

можно. Именно так обстояло дело с теми войнами, которые СССР вел в 1939–1940 годах. Ни Польша, армия которой рассыпалась в сентябре 1939 г. под ударами вермахта, ни 3,5-миллионная Финляндия даже не пытались помешать развертыванию войск Красной Армии на их границах. Первоначально именно по такому сценарию кремлевские правители собирались начать войну против Германии. Разработка планов прикрытия началась не в сентябре 39-го года – после возникновения общей линии соприкосновения немецких и советских войск, и не поздней осенью 40-го года – когда уже полным ходом шла работа по отработке планов стратегического развертывания Красной Армии для вторжения в Европу, а лишь в мае 1941 года. Это не опечатка – в мае 41-го.

Забавно, но российские «историки» с особым рвением выпячивают ныне это обстоятельство, видимо, не понимая, что отсутствие планов прикрытия – при наличии планов вторжения с глубиной наступления в 300 км на этапе решения «первой стратегической задачи» – демонстрирует не особое миролюбие, а лишь запредельную самонадеянность высшего военно-политического руководства страны. Если в таком удивительном планировании и был хоть какой-то смысл, то он, скорее всего, заключался в надежде на то, что войну против Германии удастся начать по самому «облегченному варианту», а именно: основные силы вермахта уйдут на Ближний Восток или (что было бы еще надежнее и лучше) высадутся на Британских островах. При таком сценарии развития событий оставленные в Польше 20–30 пехотных немецких дивизий или вовсе не рискнут помешать стратегическому развертыванию Красной Армии, или будут с легкостью уничтожены при первой же попытке пересечь границу. Другие, гораздо более тревожные ожидания возникли лишь весной 1941 г. Так, в апрельской (1941 г.) Директиве на разработку плана оперативного развертывания армий Западного ОВО появляется уже фраза о *«возможности перехода противника в наступление до окончания нашего сосредоточения»*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.